

18+

Тамара Огневицкая
Тень Горгоны

Роман о заре мира

Тамара Огневицкая

Тень Горгоны.

Роман о заре мира

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68561866
ISBN 9785449365859*

Аннотация

Данный роман – приключенческое мифологическое фэнтези про студентку из Москвы, в которой воплотилась сила чудовища прошлого, благодаря нахождению загадочного артефакта с дурной репутацией. Олимпия, оказавшаяся на грани жизни и смерти, расстается со многим во имя спасения Древних Богов. Сможет ли она окунуться в вечность и остаться в живых, следуя таинственному зову прошлого или нет? Всё это и многое другое уже ждёт Вас на страницах романа.

Содержание

Пролог	6
1. Таинство	18
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Тень Горгоны

Роман о заре мира

Тамара Огневицкая

*A caelo usque ad centrum omnia vincit amor et nos
cedamus amorì...*

*От небес до центра земли любовь
побеждает все.*

И мы преклоняемся перед ней.

Иллюстратор Дмитрий Царёв

Дизайнер обложки Анастасия Нечипоренко

Иллюстратор Антонина Павлова

© Тамара Огневицкая, 2023

© Дмитрий Царёв, иллюстрации, 2023

© Анастасия Нечипоренко, дизайн обложки, 2023

© Антонина Павлова, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4493-6585-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман юной писательницы – уже третье ее произведение,
что доказывает и ее веру в себя, и потребность в ее книгах

читателя.

Нет в нашей стране того, кого бы не интересовала судьба Атлантиды, Гипербореи, судьба древней цивилизации Земли и наши собственные судьбы.

О том, что было, что будет, и на чем, наконец, успокоятся наши сердца, юная прорицательница отвечает с неистовостью Пифии, неожиданно и заманчиво.

Итак, если вас не интересует чтение, откройте эту книгу хотя бы как колоду карт – вы узнаете собственную судьбу, а узнав ее, не оторветесь от книги.

Редактор

Пролог

*Начало времен. Творение Верховного.
Первородные боги. Мойры. Первейшие духи жизни.
Вечные древние души. Геката.*

Кто сказал, что вечность не ищет смысла и ведаёт всем? Быть может, она, как наивный ребёнок, чтобы заполнить пустоту своей души, спускается в наш мир в обычном теле и улыбается в лицах прохожих? Мало кто знает, насколько она одинока, сколько смертей видела, как часто её меняли, перекраивали, а после снова возрождали. Никто не помнит её лица и цвета глаз, но на неё уповал каждый, кто когда-либо умирал. Олимпия не была частью мира богов, но и места среди смертных поначалу ей, увы, так и не нашлось. Когда-то давным-давно, когда медленно зарождалась заря времен нашего мира, она уже родилась и помнила всё сущее, сотворение мира и руки Верховного, который привел её посмотреть на Его блистательное творение. Однако стать богиней или родиться человеком она никак не могла, у неё не было плоти да и желания покинуть обитель её Отца. Увидев, как болит душа у Его ребёнка, Верховный создал новый закон, по которому все вечные древние души будут оставлять его на некоторое время, чтобы возродиться в мире смертных и наполнить их мир светом, любовью и красотой. Но в каких

телах им родиться? И где жить?

Для того, чтобы Его замысел удался, из тёмной и лишь Ему подвластной космической материи Он создал могучего и мудрого Хроноса, ставшего воплощением самого времени. Эфирные выси неба, покорённые великим Засом. И Хтонию – владычицу сил земли, от самых вершин и до глубинных недр. Именно они под руководством Верховного воплотили Его замысел, и создали мир. Хронос спроектировал основной закон, по которому теперь текла жизнь, ничто не вечно, всё имеет своё начало и конец. Его даром сотворённому миру стало время, повелителем которого он являлся. Бог времени внимательно следил за тем, чтобы всё шло своим чередом и наступало тогда, когда нужно, и заканчивалось в нужный момент. Время стало основным отличием нашего мира от остальных. Именно оно позволило сильнее ценить жизнь, ведь вернуть что-либо назад невозможно. Хтония в качестве своего дара отдала миру красоту, природа из первозданного хаоса превратилась в пригодную для жизни реальность, разделённую на климатические зоны. Спустя века люди нарекли её Геей, матерью Земли. Зас создал небесные выси, распределил добро и зло на земле, последним его творением стало человечество. Именно поэтому Верховный создал трёх богинь, что плели нити судеб. Их ледяного, непреклонного гласа, звучавшего тихим шелестом волн или пением дождя, всегда опасались и люди, и боги. Три сестры, Клото, Лахесис, Атропос, три вечные странницы. Три справед-

ливые богини, беспрепятственно странствовавшие по Вселенной и тысячам миров, что измеряли жизни одним взглядом и видели суть вещей. Им неведома смерть, чужды желания, радости и горести. Их красота подобна сладкому вину, растекавшемуся по телу горячими волнами. От их тихого, мрачного, мурлыкающего пения кровь стыла в жилах, и каждая фраза звучала, как приговор. Сегодня они пропадали в одном мире, растворяясь в потоках словно не существовавшего для них времени, и тут же появлялись на другом конце Мироздания в ином облики. Три прекрасные девы в тёмных шелках, похожая одна на другую, следили за порядком и никогда не нарушали заветы Верховного. Они были Его глазами, ушами и устами. В мире смертных их называли Мойрами. Решение богинь являлось неоспоримым законом и для богов, и для людей. Именно Мойрам, Хроносу, Хтонии и Засу поклонялись не только в Гиперборее, но и в Атлантиде. Их религиозный культ был утверждён созданием единой системы храмов, алтарей и дворцов, благодаря чему религия и политика в обоих государствах были практически на одном уровне. Но история мира и первых её обитателей началась задолго до того, как появились две первые цивилизации, а позже и само человечество.

Первыми, кто населил просторы, стали первейшие духи жизни, хранители природы, дети Геи, титаны, гиганты и чудовища. На бескрайних землях, не имевших начала и кон-

ца, царила истинная свобода. Удивительный народ духов зародился в момент Безвремени, Безпространствия, когда Верховный только начал осуществлять свой замысел. Тогда не было ни одной расы, ни гиперборейцев, ни атлантов, ни, тем более, смертных. Вся планета всецело принадлежала духам. Они жили в гармонии и благоденствии с природой. Стихии не знали ограничений ни в чем, рядом друг с другом могли жить духи прощения и мести, гнева и любви. Вздымалась земля, перемещаясь в хаотичном, непредсказуемом танце. Океанские волны, приняв черты своего покровителя, наводняли материки, даруя сокровища моря тем, для кого они были недостижимы. Извергались бесчисленные вулканы. Духи властвовали везде, подчиняя себе и порывы ветра, и разрастание бескрайних лесов, и смещение материков. Они могли принимать любые формы, менять лица, словно маски, сливаясь с вечным эфиром, из которого все состояло. Природа дарила им свои блага, а они боготворили её, с благодарностью и любовью даря ей энергию. Духи владели первородной магией, из-за чего представляли угрозу для всех остальных, с точки зрения других рас. Поэтому идиллия длилась недолго. Позже, когда на Земле появились гиперборейцы и атланты, желавшие заполучить полный контроль над стихиями, духов пленили и поместили в тюрьму, из которой не было возврата. Природа сначала взбунтовалась, ведь у неё украли родных и близких. Но позже, не в силах сопротивляться брошенным на неё цепям, покорилась и замолчала на ты-

сячи лет, не желая видеть то, что сотворили с девственным, чистым миром. Тюрьма получила название «Забытый Реалум». Туда мог попасть каждый, но выйти – никто. Со временем мир забыл о некогда великих, вечных духах. Уже никто не помнил, как выглядели дриады, наяды, нимфы и многие другие. Хранители природы стали молчаливым отголоском прошлого. Лишь некоторым из них удалось спрятаться и не попасть в Реалум. Спустя века уже никто не помнил, где он сокрыт. Духов пленили ловким обманом, сама тюрьма выглядела, как точная копия мира, наполненного заброшенными храмами, дворцами и памятниками атлантической, гиперборейской и человеческой цивилизаций. Но самих представителей трёх рас там не было. Духов ловко подкупил этот трюк, словно планета снова принадлежала только им. Они с радостью и детским любопытством вошли туда через портал, открывшийся от небес до самой земли. Они не знали, что тюрьму создали лучшие инженеры Гипербореи и Атлантиды, на определённый период заключивших мирный договор. Бескрайняя тюрьма жадно распахнула свою пасть, чтобы поглотить доверчивых духов.

После Гипербореи и Атлантиды, утвердивших свое превосходство на планете, появились первые люди. Вечные души, дети Верховного воплотились в мире смертных. Там они жили и учились в гармонии и спокойствии, пока не началась первая великая война. К сожалению, к власти в Атлантиде пришли те, кто стремился сделать свой народ главным.

Гиперборея пала под натиском атлантов, желавших заполнить первейший источник энергии, кристаллы жизни. И тогда, понимая, что их дни сочтены, жрецы Гипербореи наложили на кристаллы страшное заклятие. Суть его была в том, что спустя сотни лет, когда бдительность атлантов испарится, кара их настигнет. И лишь достойным из всех них суждено уцелеть. Но те, кто спасётся, будут до конца своих дней выполнять их волю, нести человечеству культуру, просвещение, науки, помогать освоиться на этой планете. Такова месть гиперборейцев, даже после их неминуемой кончины атланты, словно рабы, будут исполнять их последний приказ. Только так достойные из них выплатят кровавую дань – заслужат прощение за гибель некогда великой цивилизации. По окончанию их службы сила в кристаллах иссякнет. И тогда оставшиеся атланты умрут, как простые смертные.

Магия в Атлантиде была под строжайшим запретом, несмотря на то, что каждый атлант рождался со способностями к ней. Политика государства предусматривала подавление генов, отвечавших за способности рождённых детей. Это делалось с целью контроля граждан и следованию конкретному политическому курсу. А также, магия считалась последним оплотом культа древних духов, пленённых в «Забытом Реалуме». Когда был принят закон о «Вакцинации», магии в государстве практически не стало. Ею владели только те, кто рано или поздно занимал пост Высшего Жреца или Правителя Атлантиды. Давным-давно атланты отрек-

лись от магии, пытаясь уничтожить вечную, манящую реку чудес. Огнем и сталью они выжигали этот мир, неуверенными шажками детей ступая на путь технологического прогресса и невиданного доселе потока мысли. Перед ночью почти каждому ребенку рассказывали легенду о девочке, изменившей законы реальности. Её имя запрещалось произносить, а когда наступала ночь, атланты молились свету, чтобы её участь не пала на их потомков. Однажды Геката, рожденная в семье одного из первых атлантйских царей, возродилась во тьме, дав волю магии, что текла у неё в жилах. Её манили ритуалы, с ней шепталась ночь, змеи преклоняли перед ней голову, и мёртвые защищали странную, слабую девчонку с горящими глазами. От неё отреклась мать Астерия-Звезда, испугавшись странных наклонностей дочери. Астерия не желала более освещать её путь, не хотела слышать и видеть ничего, связанного с потусторонним, темным и загадочным. Но у Судьбы были свои планы на Гекату. Ей было суждено до самого основания потрясти мир, вывернув его наизнанку, создав единый приют для всех заблудших и падших душ, её собственное загробное королевство, где каждый, кто её осуждал, кто её ненавидел, кто от неё отрекся, преклонит перед ней колени, чувствуя всю мощь пылающей трехликой души. И не было более среди атлантов той, кто при жизни стал богиней, дерзко смеющейся Мойрам в глаза. Однако были и те, чью магию подавить не удалось. Их отмечали «Клеймом Недоверия» – особым знаком, дававшимся только тем, кто

переступил через закон государства, отринув его устои. Например, не отказался от своих способностей. Они никогда не могли получить достойную работу или поступить в Высшую Культовую Академию, где воспитывали жрецов. Также им запрещалось служить на флоте, и тем более реализовать себя в политической сфере. Такие атланты еженедельно получали несколько инъекций для того, чтобы быть более послушными государству, которое их взрастило. Если уколы не делать – сила растёт. Чаще всего многие сдавались на подобную профилактику добровольно. Иначе не принимали ни на какую работу и более того устраивались гонения. На самой окраине острова располагался их общий дом, так называемый подводный квартал. Туда сквозь толщу воды практически не проникал солнечный свет. Подводные трущобы с каждым годом разрастались, всё глубже погружаясь под воду. Над водой жили лишь представители бесчисленной элиты, их гордые небоскрёбы всё выше тянулись в небо. Такое жёсткое классовое разделение мешало многим, распадалась семья, кланы, полностью менялся весь порядок жизни.

Мало кому было известно о том, что у первых богов давно появились потомки. У всех, кроме Хроноса, никто никогда даже не видел, как он выглядел. Атлантида, располагавшаяся вдалеке от суши, после изнурительной войны с Гипербореей, затаилась на долгий срок. Люди, не владевшие её высокими технологиями, водолетами, энергоустановками и самым быстрым способом перемещения – «портализацией», то есть

перемещением через портал, даже не знали, существует ли она до сих пор. Но вскоре она объявилась, ей требовались рабы для высокопоставленных особ. Люди были в несколько раз меньше ростом своих господ. Чаще всего, чтобы они не знали о политических или личных тайнах и не могли о них рассказать, им вырывали глаза, уши и язык. И устанавливались имплантанты, структурировавшие восприятие реальности, слух, видение и обоняние по усмотрению хозяина. По видимости, ситуация в Атлантиде стабилизировалась. К слову, многие смертные спустя несколько столетий стали добровольно сдаваться в рабство атлантам по причине того, что на суше началась очередная кровопролитная война. Поэтому, между двух зол люди выбирали нечто более спокойное. Очередной конфликт вспыхнул, когда дети Геи, титаны, желая свергнуть правление своего отца Урана, подняли мятеж. Их возглавил жестокий и алчный Крон. Люди при этом погибали целыми селениями, не было ни одного места на земле, где бы они могли спокойно укрыться. Вскоре стало известно, что Уран убит, а Крон безраздельно правит сушей. Атлантида продолжала держать нейтралитет, и титаны нанесли удар первыми. Увидев их многократное превосходство, независимое суверенное государство дало шанс тем, кого наделили «Клеймом», для того, чтобы исправить свою участь и даровать достойное будущее потомкам. Для создания боеспособных солдат нового поколения был отобран отряд, состоявший из тех, у кого способности аномаль-

но превышали контролировавшие их гены. Испытания прошли, Зевс, Метида, Гера, Посейдон, Аид, Деметра, Гестия.

ВЕРХНИЙ РИД
дети Берегини, воплощающиеся в телах смертных,
в их числе: Золот и Златанна

АТРОПОС
владыка беззвезд судьбы,
переворачивающая жизнь

ЛАХНОС
владыка беззвезд судьбы,
перевертывающая судьбу

КЛОТО
владыка беззвезд судьбы,
прядущая нить жизни

ГЕЙ
богиня земли-могило скалится,
"что она мать Титанам,
чужде и гитантам, рид Герон
происходит именно от нее

ХРОНОС
бог времени

РЫН
жизнь, восстановивший первое
чуждое существование

ВАО
бог нора

ПЕРВЫЕ ДУХИ ЖИЗНИ

прародители природы, изначально населявшие Землю
много с детьми Титанов, гитантими и чуждими
Духи прислали Гекату своей законной царевне. Сказатели и носители
природной магии. Были заточены советом Гитерборн и Атлантисдо
в Тибетам Родуру для установления нового мирового порядка

ГЕКАТА

дочь одного из царей Атлантисских царей и Астерии, после изгнания
из Атлантисды стала богиней лунного света, прорицатель,
весь Титанов, магии и волшебства. Становится и Древним богом,
но перерожден назвать ей никак нельзя. Стала богиней до того,
как олимпийцами стали поклоняться, как живым богам

АОИ
бог познания, знания,
искусств, тайны жизни воплощает
свое искусство познания. Сказатель сын
Кронуса и Рее, брат Зевса, Посейдона,
Герона, Деметры и Гестии

ПОСЕЙДОН
первородный морской бог, царь до
трех океанов богов-олимпийцев
владеет и Землей океанами. Сын
Кронуса и Рее, брат Зевса, Посейдона,
Герона, Деметры и Гестии

ГЕСТИЯ
богиня домашнего очага,
хозяйка домашнего очага,
Сказатель дочь Кронуса и Рее,
сестра Зевса, Герона, Деметры,
Аои и Посейдона

ДЕМЕТРА
богиня плодородия,
первородительница олимпийцев.
Царь из Златанна олимпийцев
богиня олимпийцев-богов

МЕТРА
олимпийская богиня,
царевна, дочь Зевса и Гестии,
владыка (царь) богинь

ВАО
бог нора,
гитант и чуждое,
первородитель всех гитант

ГЕРА
первородительница богов,
первородительница жизни во всем мире
Сказатель, первородительница
богинь, первородительница,
сестра и жена Зевса

ГЕКАТА
богиня жизни,
первородительница (царевна) Златанна

АМАТЕРАСУ
первородительница первородительница жизни,
богиня Златанна

АРТЕМИДА
богиня луны,
первородительница
первородительница
первородительница жизни

АПОЛЛОН
бог света,
первородитель жизни. Также
бог-первородитель и первородитель природы

АФИНА
богиня мудрости,
первородительница, царь,
и правитель в царстве олимпийцев.
Первородительница религии и искусства

ГЕРМЕС
бог сна
и путешествия, религия

АФРОДИТА
богиня любви и красоты

ГЕЛИОС
бог солнца

ЭРОС
бог любви,
первородитель, царь и владыка
первородительница (царевна) Златанна

ДИОНИСОС
бог виноделия и веселья

АФРОДИТА
богиня любви и красоты

АРЕС
бог войны

АФИНА
богиня мудрости,
первородительница, царь,
и правитель в царстве олимпийцев.
Первородительница религии и искусства

ГЕРМЕС
бог сна
и путешествия, религия

Глава 1

1. Таинство

*Зов прошлого. Зиноп. Алкид. Мегара. Орхомен
и Фивы. Уроки новой истории. Артемида. Кеик
и Алкиона. Даная. Игры богов.*

I

Тайнство

Время, время, время... Оно летит неумолимо. Вчера, казалось, сделал первый шаг, а сегодня ты на вершине, откуда взлетишь. Навсегда. Солнце сменяет грустную Луну. На улицах Москвы бывалые пенсионеры начинают петь военные песни и обсуждают завышенные цены на продукты питания. В метро звучат скрипки. Толпы муравьев спускаются на их музыкальный зов, ознаменовавший начало нового дня. Все так знакомо, словно уже давно все испробовали, многое знаем. А выходит, что нет.

Утро внезапно набросилось на спящую Москву подобно рывку кем-то моментально раскрученной карусели, которая влетела в зеркало ночи и разбила его, расколов на тысячи кусочков некогда единое и мирно дремавшее полотно нашей реальности. Город лениво потягивался, просыпался и оживал, не желая скидывать с себя негу сна. Но, как это обычно бывает, у Солнца свои планы, хочешь – не хочешь, под них приходится подстраиваться. Утреннее сияние раскрашивало Москву в золотой цвет, обильно растекавшийся везде, по тротуарам, мостам и кружевному плетению центральных улочек. Небо оголило свои лазурные плечи и нежную грудь, окончательно распрощавшись со стеснительностью и невинностью ночи. Распушив кудри, оно величественно разлеглось по всему миру, позируя нагим для живописцев.

Бабье лето шло гордым маршем, считая унылость и скуку уже минувших дождливых дней. Начало сентября выдалось

теплым, ярким и уютным. Природа будто специально замерла в янтарном великолепии одежд, плотно расшитых нитями медового ветра. Начало осени принесло с собой очередной старт учебного года. Школьники, студенты снова должны были окунуться в учебный процесс с головой.

Московское утро... Оно прелестней самой теплой июльской ночи, когда звучно поют соловьи. В тысячах домов открывают очи золотые окна, улыбаясь каждому прохожему. Ведь еще вчера их старательно вымыл какой-то Фархад или Иван. Хотя не важно, кто. Главное, что сверкают. Москва видела многое. И помнит каждый миллиметр временного поезда, который никогда не останавливается. Выходит, что каждый из нас лишь пассажир. Куда мы так старательно летим, а главное зачем? Чтобы родиться снова, пить чай с лимоном в «Шоколаднице», и как в первый раз пробовать торт «Наполеон», сделанный очередной новой, но уже такой родной бабушкой. Невольно вспоминаются строки Блока, «И возродится всё, как встарь... Ночь, ледяная рябь канала, аптека, улица, фонарь». На Курском в такое раннее время уже пахнет сочными и жирными беляшами, пирожками с картошкой, слойками. Какие-то мужчины предлагают билеты по 100 рублей, чтобы людям не стоять в очередях к автоматам, выдававшим заветные пропускные транспортные карточки. Возможно, в 7,20 утра уже сто человек купили себе энергетики, ведь нужно хоть как-то проснуться. Ничто не помогает, даже кофе, даже американо. Пожалуй, у Кур-

ского вокзала именно его вкус, пьянящий саму жизнь очередным приливом временной бодрости. Самое обидное наступает тогда, когда по ошибке едешь в Москву, даже если сегодня свободный день. Но появляется срочная причина сорваться с места. Хотя путешествие к университету – это отличный повод «выгулять» новый джинсовый костюм с кожаным рюкзаком и послушать Ариану Гранде вперемешку с LP по дороге.

Её мысли прервал писклявый голос весьма молодившегося преподавателя советской выправки, приходившего в университет за час до начала занятий. По нему можно было часы сверять. Если бы он только знал, какое галактическое количество мемов с ним в «ВКонтакте» в университетской группе «Подслушано» ходит...

– Меридина... А Вы сегодня рано!

– Так точно! Здравия желаю, Карл Юрьевич. Приехала на самой ранней электричке. К исполнению археологических обязанностей готова!

– А ну чудесно-чудесно. Только вот сегодня вторая часть потока... У Вас же свободный день.

– Знаю. Просто староста второго потока сказала, что Вы решили разобрать материал сначала с ними, а потом с моим потоком. А мне он нужен уже сейчас.

– Ах да... Помню, Вы же статью пишете к выставке? Ну проходите-проходите... Я как раз приготовил сегодня свои наработки. Будет презентация что надо... Как бы сказала

моя ныне покойная супруга «О-го-го»!

Лязгнула заветная связка ключей исторической кафедры. Профессор открыл аудиторию и уверенно промаршировал вниз, довольно быстро для пожилого человека спускаясь к рабочему месту. Спустя пару минут он включил свет, и без того унылые зеленые стены лектория приобрели еще более грустный вид.

– Как, кстати, продвигается ваша статья, Олимпия? Открыли космос?

Всегда умиляла его бодрость и открытость.

– Хорошо... Думаю, как все успеть... Правда, меня очень смущает один фрагмент находки.

– Ага!

– На нём содержатся языковые единицы... Слова из разных языков в общем.

– Трудности перевода, я правильно понимаю? Ну... У разных археологов рано или поздно возникает масса претензий к своим языковым знаниям. Помнится, как раз в вашем возрасте мне пришлось изучать турецкий и персидский. Правда, в это время еще динозавры по планете бегали...

Карл Юрьевич ухмыльнулся.

– Про иероглифическое письмо Египта вообще молчу. Как вспомню – сколько бессонных ночей... Ну ничего, раз мы смогли, то и вы сдюжите.

– Сегодня будет что-либо про Геракла? Косвенные свидетельства или что-то такое?

– Вне всяких сомнений. Но упор будет не на мифологию... Мы с вами историки, а не сказители. Ну-с, погнали.

Судя по всему, профессор сегодня был явно в хорошем расположении духа. Напевая отчего-то вальс Мендельсона, он приступил к подготовке рабочего места с вышеупомянутой презентацией. Олли, выпив немного горького кофе с лимоном, достала записи. Спустя полчаса сзади раздались шаги старосты потока Алевтины, окруженной несколькими фаворитками, в число которых наша кудрявая знакомая никогда не входила. Словно в аудиторию зашла Кристина Агилера с подтанцовкой. Она громогласно её поприветствовала, но решила сесть подальше от второгодницы.

– Ты всё-таки восстанавливаешься после академика, кудряшка?

Оля предпочла отшутиться. Голубые глаза вспыхнули игривыми огоньками.

– О, да! Я тут как раз гардероб себе обновляю. Можешь что-нибудь посоветовать?

– Ну... Если тебе это будет по карману, то да.

– Где продаются такие хорошие манеры, как у тебя?

Аля фыркнула и села прямо напротив профессора, сказав несколько комплиментов, отчего тот начал что-то оживленно рассказывать. Второгодница... Почему-то такое обидное название. От него всегда пробегает мороз по коже. Потому что чаще всего его используют для обозначения человека, потратившего год жизни впустую. Тем временем поток

все прибывал. Конца и краю ему не было видно. Прибывавшая сонная толпа студентов рассаживалась. Парень в красной толстовке пролил её уже остывший кофе с лимоном. Олимпия сделала вид, что этого не заметила и вытерла лужу бумажными платочками. Она предпочитала вообще никак не реагировать на досадные мелочи, потому что лишнее волнение могло выйти ей боком. А ведь она держалась уже полгода без рецидива. Поэтому решила сдать все задолженности по учёбе и наконец стартовать из тупика. Если бы кто-то знал, как же ей не нравилось её имя, оно казалось ей неимоверно вычурным и просто не к месту. В России так практически никого не называют. Но её родители решили дать ей редкое, звучное с их точки зрения имя, как дань греческим корням семьи. Чтобы избегать лишних расспросов о том, почему её так называли, она привыкла представляться просто Олей.

Тем временем профессор, лишившись последней капли терпения, решил с места в карьер начать лекцию.

– Так, ну что... Осталось пять минут! Песню Гурченко я Вам петь не собираюсь. У нас не «Голубой огонек», так что приступим. Сегодня нам очень много нужно успеть. Тему вы видите в презентации...

Карл Юрьевич закашлялся, ловко прикрывшись платком. В это время кто-то протянул сидевшей рядом с Олей девочке пончик в качестве взятки, чтобы ловко поменяться с нею местам. Запахло знакомым парфюмом и горячим фирмен-

ным кофе «Starbucks».

– Меридина, ты не отвечала на мои звонки год.

Как оказалось, рядом присел её старый знакомый. Всё так же в идеально выглаженной одежде и с кожаным браслетом на левой руке вместо часов, украшенным массивным позолоченным календарем мая. Интересно, сколько времени он проводит в ЦУМе? Наверное, там и живет. Девушка побледнела. Его голоса вовсе не хотелось слышать, а лицо она старалась стереть из памяти очень долгое время. Как и событие, которое их невольно сблизило. В кошачьих глазах мелькнула растерянность.

– Привет, Артур.

Красавчик брюнет опешил.

– Только привет? Сменил факультет, узнав, что ты возвращаешься. Олли, нам надо поговорить.

Она фыркнула.

– Не поздновато для разговоров?

Старый знакомый поднял руку вверх, отчего на него сразу же обратил внимание профессор.

– К нашей дискуссии присоединился Морозов. У Вас вопрос?

Артур встал по стойке смирно, поправив солнцезащитные очки на голове, и моментально превратился в заинтересованного, прилежного студента, у которого лишь один интерес – учёба.

– Вы правы, Карл Юрьевич. Точнее, их несколько. Но сна-

чала то, что не терпит никаких отлагательств. Нас с Мериديной срочно вызвали в деканат. По поводу раскопа. Говорят, жизнь и смерть решается. О, и еще, можно, мы, как вернемся, спросим несколько вопросов по теме?

– Идите, ребят. Жду Ваших вопросов.

Артур взял никуда не желающую идти Олимпию под локоть и зашипел, чтобы она пошла с ним. Они довольно быстро вышли в коридор и прошли в рекреацию, где никого не было. Оглянувшись и убедившись в том, что их никто не видит и не слышит, он преступил к разговору.

– Начну я, потому что козёл. И ты не представляешь, насколько.

– Слушай, это не имеет значения. Поняла, простила, отпустила, живу дальше.

– Прошу, подожди! Мне очень многое нужно тебе сказать. Оля тяжело вздохнула.

– Я знаю, каково тебе пришлось после того случая. С тобой поступили подло. А я тебе врал!

– Тебе же известно, что мне нужно избегать стресса! А ты опять об этом?!

Его голос дрожал.

– Меридина, мне без тебя плохо! Я не прошу большего. Пожалуйста, давай просто дружить обратно!

Руки холодели, в ушах появился шум, похожий на шум моря. Слова Артура уходили на задний план. Перед ней неожиданно предстала странная картина эпохи, восставшей

из потаенных, спящих глубин памяти. Всё до боли казалось знакомым и родным, словно она уже бывала там и чувствовала всё, что явилось так внезапно, но ожидаемо. Так является гость, которого обычно боятся принять, потому что он говорит только правду, но в то же время желают видеть, от него не нужно ждать глупой лести и подхалимства. Так относятся к правде, непреклонной, временами жестокой. Она – запретный плод.

От сильной жары рябило в глазах, пот градом тёк по всему телу. Белоснежные каменные здания агоры плыли перед глазами. Ей неожиданно явилось высокое, голубое небо, по которому ветер гнал редкие, тонкие облака, проседью разлитые по небосклону. Слышались крики тысяч людей. Они радостно и громко пели хвалебные песни и громогласно выкрикивали имена воинов, вернувшихся домой из продолжительного похода. Гоплиты единым телом из сотен копий, нагрудных панцирей и чешуей в виде щитов проплывали с западной окраины города к центру, минуя десятки улиц. Главнокомандующий на белом коне махал толпе. Изнуренные битвой, они наконец вернулись в родные Афины, где их так ждали. Среди воинов Олимпия смогла разглядеть мужчину, внешне очень похожего на Артура. Он не видел её, Солнце слепило глаза. В сознании всплыло имя Зинон вместе с невыносимой болью и разочарованием, которые моментально наводнили сердце. Сама она стояла за спиной некоего седовласого старца. От чего-то было известно, что жили они не бедно и что он ей

отец, принял какое-то важное решение, толком не спросив её об этом. Стоило ему заметить воина, как он тихо и нарастающим гласом на греческом сказал ей,

– Скоро ты покинешь мой дом. А мне пора вспомнить об Орхомене.

Внезапно Оля почувствовала руки Артура, старательно сжимавшие её плечи и пытающиеся привести в чувство.

– Так ты сиди, я сейчас воды принесу.

Университетская реальность плавно возвращалась на место древнегреческой. Девушка наклонила голову к коленям, чтобы прошла головная боль. И без того бледная кожа стала белее снега. Ей сразу стало лучше от воды, которую принёс ей старый друг.

– Меня долго не было?

– Пять минут... Я уже начал волноваться. Но не так, как в тот раз. Тогда ты лежала без сознания пару дней.

Она закашлялась.

– Брось, может, тогда просто солнечный удар был. Мы много времени проводили на раскопе.

– Ну, не знаю. Когда человек получает солнечный удар, то не начинает бормотать на древнем диалекте и не видит мельчайшие детали прошлого. В прошлый раз ты рассказывала про какую-то катастрофу. А позже назвала имя... То ли Диана, то ли Тиана. А сейчас сказала про Орхомен, если я правильно понял.

– Дианта... До сих пор не знаю, кто это.

– Точно.

– Артур, рецидива не было уже полгода. Я думала, что всё прошло.

– Не к добру это.

– Я не верю во все это! В те легенды, которые рассказывают, что если найдёшь какую-то фигню, то, блин, избранным станешь и заработаешь кучу приключений на пятую точку! Я не верю в легенды!

Парень скептически на неё посмотрел.

– А тебе не надо верить. С тобой они уже происходят. Надо как следует изучить ту штуку, которую ты в Крыму откопала.

– Морозов, я уже сделала это. Я перевела все надписи на ней. Все отметки расшифровала. И ничего, понимаешь?! Ничего! Единой картины нет!

Артур нежно взял её за руку.

– Слушай, если я могу чем-то помочь, ты просто скажи.

Она прищурила глаза.

– Кстати, ты прав. Можешь. Мне нужно попасть в лабораторию. Сможешь добыть пропуск? А то меня к моей находке не пускают уже полгода. А скоро выставка и все дела.

– Я поговорю с отцом. Он позвонит кому нужно.

Воцарилось молчание. Олимпии становилось лучше. Пульс стабилизировался, дыхание выравнивалось. Тишину в рекреации прервала пара студентов, бегущих с чертежами в руках и явно проспавших первую лекцию. Паркет громко

хрустел под их ногами.

– Вот слонопотамы...

– Ладно, пойдём, а то профессор нас хватится.

– До деканата десять минут пешком. У нас еще есть время, чтобы гипотетически вернуться. Так что приходи в себя и пойдём.

– Знаешь, больше всего я не хотела, чтобы сл во время учёбы.

– Когда чего-то очень не хочешь, именно это и случается.

– Я рада за вас с Алей. Вы отличная пара.

– Я с ней не встречался и не буду встречаться. И я это уже говорил. Она фальшивая.

Олли громко рассмеялась, поправив тугий пучок выющихся волос.

– Морозов, в тот раз, когда ты мне помог, то оставил дома «Контакт» открытым. Я видела вашу переписку. Она в мельчайших деталях описывала, как вам было хорошо вдвоём. А потом у себя на стене опубликовала фото, где она лежит на тебе... Сверху. Голая.

Артур покраснел, встал и облокотился на колонну.

– Ну да, мы спим периодически. Но люблю-то я тебя.

– Какие чудеса мужской логики еще ты готов мне показать?

– Поддержку и заботу. К тому же ты ведь из-за меня ушла в академ?

Улыбка плавно сошла с бледного лица.

– Нет... Ты здесь вообще не при чём. У каждого свои демоны. И я не исключение. Мне нужно было отдохнуть, прийти в себя, переехать... Много чего было за этот год. С тобой я не хотела общаться, потому что ты поступил, как козёл... И к тому же напоминал о моём бывшем. Но разница между вами в том, что тебя я знаю с детства. Морозов, у тебя ужасный характер! Такова твоя суть.

– Пообещай, что сходишь к нему.

– К кому?

– К Леониду. Занятия у него опасны. К нему ходят такие своеобразные люди, как ты. Излечиваются.

Она тяжело вздохнула.

– Хорошо. Тем более выбора у меня особо нет, раз ведения снова начались.

Артур потупил глаза. Порой ей казалось, что он скрывал нечто большее, чем очередную влюблённость. Он никогда искренне не умел удивляться. Словно все давно испытал и познал. Какой-то потаённый надлом, боль и даже гнев был скрыт за каждой его улыбкой. От того мысли о нём никогда её не отпускали. И это пугало больше всего. Как в старые-добрые он протянул ей мизинчик, они расхохотались, помирились и пошли на лекцию. Там уже была настоящая баталия. Карл Юрьевич, очевидно, начал отвечать на вопросы по первому блоку презентации. Морозов и тут отличился, стоило зайти обратно в лекторий.

– Карл Юрьевич, мы тут! Вернулись! Расскажите, пожа-

луйста, про Орхомен. Я видел, у Вас был слайд в самом начале с Гераклом.

– Шоумен вернулся! Извольте-с. Мы знаем, что сначала его звали Алкидом. До того, как он стал Гераклом, он носил именно это имя...

Но Олли уже не слышала ни ответа профессора, ни помнила, как вернулась на своё место. Её руки сами взяли блокнот для записей, ручку и начали писать символы на древнем диалекте. Пропал университет, оставшись где-то внизу. Подул свежий ветер. Издалека слышались чьи-то слова. Каменная статуя Геракла на слайде тихо шептала рассказ о том, что произошло на самом деле. Его грозный баритон звал за собой. Девушка боялась, чтобы никто не заметил за ней ничего странного, лишь бы она смогла спокойно доучиться. В ответ её мыслям, воин продолжил,

– Этого никто не увидит. Ты была выбрана для того, чтобы освободиться от времени и узнать правду. Так следуй же за мной. Совсем скоро ты сможешь соединить крупницы историй в единую ткань прошлого.

Свыкшись с мыслями, что ему никогда не обрести счастья, понимания и свой истинный дом, где все будут рады принять такого, как он, Алкид на протяжении многих лет не мог найти ответы на вопросы, терзавшие его. Почему он не такой, как все? Почему так силен, почему видит мир совсем по-другому? Почему верит всем сердцем, ощущая всю мощь окружающего пространства? Почти во всех местах, где

ему удалось побывать вместе с Амфитрионом, его отцом, мальчик выделялся своеобразным мышлением, сверхчеловеческой силой, поражая всех вокруг. К нему относились холодно и настороженно, человеческое недоверие и неоправданный страх лезвием резали сердце будущего героя. Люди ненароком внушили ему, что он – чудовище. И вот спустя годы случилось непредвиденное, после чего Алкид долго не мог прийти в себя. Непокойный разум, потрясённый произошедшим, то и дело рисовал перед его глазами окровавленное тело человека преклонных лет, который обладал сложным характером. Высокий, гордый, седовласый, с крючковатым носом и пронизательными почти чёрными глазами. Лин был его учителем, беспристрастным судьёй, каравшим неспособного ученика хлёстким ударом. Во время вспышек гнева он терял над собой контроль. Ни о какой учёбе ни шло и речи, а тем более об искренней любви к ней. Алкид знал о страхе всё благодаря тому, кто с детства идеально показывал ему все тонкости психологического насилия. Пятнадцатилетний юноша видел тело человека, который поведал ему тайны мироздания, научил всему, что знал, но внушил страх совершить ошибку. Совсем недавно его душа отправилась в Аид, где много лет спустя они встретятся.

Даже когда Алкид не выдержал и выбежал ночью из дома, это воспоминание не оставило его ни на секунду. Он долго шёл к реке, шум которой еле-еле доносился до дома его от-

ца. Ночью в сиянии звёзд она походила на длинное облако, плавно струившееся куда-то вдаль. В ночной тиши пели циклады, а звезды причудливыми узорами красовались в вышине. Было такое ощущение, будто река и небо поменялись местами. Небеса окрасились в тёмно-сапфировый цвет, какой спрятан, как истинное сокровище Посейдона, на самом дне беспокойного океана. Вода засветилась серебром, закуталась ночными тайнами Луны. Словно небо загадочным образом решило окунуться в прохладную реку.

Алкид думал обо всём, о его судьбе, о матери и об отце. Их лица буквально стояли перед глазами. Особенно лицо матери, мудрейшей женщины. Слухи о ее красоте в свое время распространялись по всей Греции. Она обладала белоснежной кожей, чёрными глазами, похожими на турмалины, и пепельным цветом волос. Не смотря на всё это, Алкмена всегда говорила сыну, что внешняя привлекательность ничего не стоит, если вместо сердца у человека камень или кусок шерсти, который никогда и ни при каких условиях не наполнится добротой и состраданием. Перед сном мама рассказывала ему удивительные истории об одном человеке, который появился перед ней однажды и пропал на долгие годы. Несмотря на течение времени, она не забыла этого героя, так как в предыдущей жизни, как она говорила, тот совершил немало подвигов для людей. Алкмена не раскрывала Алкиду его имени, говоря, что когда-нибудь он непременно узнает о нём. Почему именно это воспоминание появилось в разуме

мальчика сейчас, когда он не находил себе покоя? Дальше Алкид вспоминал, как родители отстаивали его в суде, когда произошёл несчастный случай с учителем Лином. Ясно было одно, что бы с ним ни произошло дальше, если понадобится, он пожертвует своей жизнью ради них. Любовь наполняла сердце при одном воспоминании о том, что они сделали ради него, как поддерживали в трудный час. Родители – единственные, кто понимали его. Как бы мальчик ни стремился, ему не удавалось завести верных друзей. По непонятной пока причине на нём уже долгие годы висело клеймо изгоя.

Он сел на траву. Взглянул на своё отражение в реке. Те же золотистые кудри, голубые глаза, смуглая кожа, но что-то было не так. Буквально всё в себе ему было отвратительно. Будто он действительно поверил, что он не человек, а тот, кем его считали. Изнутри сжигал стыд, пульс барабанил в висках. В сознании то и дело звучало слово «убийца». Даже окружавшая красота ночи не успокоила его разум.

Сзади раздались шаги. Алкид не обернулся, он знал, что к нему идёт его отец Амфитрион, которому Морфей тоже не подарил сегодня сна. Мальчик всегда хотел быть похожим на него, braveго воина, отличавшегося не только внешней, но и внутренней красотой. Высокого, искусного в сражении на мечах, того, кто без страха способен повергнуть врага, спасти людские жизни. В карих глазах отца он не увидел то-

го, что испытывал сам к себе, не знал, как же избавиться от вины.

– Не можешь заснуть?

– Ну я же не молод, как ты... Да и спина что-то разболелась.

Мальчик не ответил.

– Всё вспоминаешь день суда?

– Нет, только его глаза, в которых погасла жизнь из-за меня.

Амфитрион, презрительно взглянув на юнца, решил наконец довести их давний разговор до конца, чтобы он понял, какая судьба ему предначертана.

– Тебя оправдал суд, Алкид. К тому же все знают о вздорном характере Лина. Он не имел никакого терпения. Бить ученика до крови от того, что он не понимает особенности музыкального искусства – ужасно. Ты защищал себя.

Юнец не выдержал этих слов, вскочив на ноги,

– Да я же убил его, отец! Убил! Я не дал себя ударить, а затем он упал! Текла кровь!

– Прекрати! Оставь искусство истерики женщинам! Ты же будущий муж, к тому же кому, как не тебе, наконец-то одуматься и понять, как в твоём юном теле помещается сила двенадцати мужчин!

Он впервые повысил на него голос. После этого, сняв плащ, бросив его на камень, он отошел в сторону, чтобы со-

браться с духом. Амфитрион давно должен был рассказать юноше правду, но долгие годы не решался сделать этого, чтобы не потерять сына. Алкид был нечто большим для него, чем родная кровь. Бывалый воин понимал, что на него возложена особая миссия – воспитание и забота о сыне когда-то сошедшего с небес бога. Сначала Амфитрион не мог простить своей жене измену, не желал признавать Алкида сыном. Но гордыня не смогла долго жить в его сердце. Когда он увидел беспомощного, крохотного голубоглазого младенца, которому требовалась его защита и помощь, то не стало былой обиды на богов и жену. Он растил Алкида как родного. И если бы нужно было отдать жизнь за него, Амфитрион не раздумывая пошёл бы на это. В каждом неловком движении, в каждой нелепости, совершенной мальчиком в период взросления, он узнавал себя. И каждый раз становился на его защиту, когда люди велели убрать с глаз долой это «чудовище». Если бы рядом с неокрепшим мальчиком не было этого человека, то он не выдержал бы всех нападков и просто бы сошёл с ума, не выполнив своего предназначения.

– Тебе дан великий дар, Алкид. Дар, который может иметь лишь бог.

Мальчик отшатнулся от отца, а тот, сократив расстояние между ними, подошёл к нему нерешительно продолжив свой рассказ. Сказанные им слова громом раздавались в сознании ребёнка.

– У богов на людей всегда свои планы, нерушимые и вечные. Не надо бояться. Все идет так, как должно идти. Ибо всё будет так, как должно быть. Так получилось, родной, что я не твой отец... На протяжении долгих лет я нёс бремя этой тайны, в надежде защитить тебя от нее, потому что я люблю тебя. Но твоя судьба войдёт в историю, так кто же я такой, чтобы препятствовать её свершению? Никто. Тебе предстоит сделать для людей очень многое. Когда ты родился, я был зол на богов за то, что они сыграли со мной эту злую шутку. Но увидев тебя, я наконец-то обрел свою судьбу, воспитать истинного героя, который бы стал достойным имени своего отца.

Мальчик, широко открыв глаза, слушал рассказ Амфитриона. Что-то ему всегда подсказывало, что его место не среди людей. Он всегда был белой вороной, его не понимали и боялись. Алкид с ужасом понимал, что всё сказанное ему сейчас – правда.

– А кто тогда мой настоящий отец?

– Зевс. Верховный владыка Олимпа. Алкид, пойми, мы с мамой тебя очень любим. Таким, какой ты есть. Мы узнали о твоей судьбе еще до твоего рождения, приняли её, поверили в твои силы... Только вера рождает истинное величие. Мы просто не хотели тебя потерять.

Амфитрион обнял сына, который закрыл глаза от страха. Мальчишке казалось, что сердце вот-вот разорвется от того, что он узнал. Мир для него никогда не станет прежним.

Но рассказ всё же продолжался.

– Его звали Тиресий, многие говорили, что он великий предсказатель, каких мир не видывал, но я не верил в это. Так же, как и в то, что его ослепила сама Афина, потому что он увидел ее обнаженную красоту. Именно он рассказал нам перед всем городом о том, кого носит под сердцем Алкмена. Тиресий поведал, что ты будешь иметь два имени и двух отцов, о тебе станут слагать легенды.

Алкид прижался к отцу, прошептав,

– Это не может быть правдой. Что если я не такой, что если он ошибся?

– Он никогда не ошибался...

– Я не готов.

– Судьбе всё равно, готов ты или нет. Она даёт тебе испытание, и ты должен с ним справиться. Ты должен научиться себя контролировать и управлять дарованной тебе силой, так как можешь это сделать. Запомни, верь и делай – это главное правило воина. Пусть вся твоя боль, сила, страсть, мудрость перейдёт в клинок, и он убьёт страх, вонзившись в плоть врага. Только когда мы бесстрашны, мы способны на всё. Борись, Алкид! Слышишь меня? Будь стойким, ибо ты благословлён звездами и Зевсом. Ты способен на великие свершения, они уже ждут тебя! Ты мой сын, в которого я верю. Даже после своей смерти мой дух последует за тобой, ограждая от вражеских копий и кинжалов... Нас ничто не сможет разлучить.

У Алкида впервые в жизни по щекам горячим потоком струились слёзы, внутри его переполняло чувство освобождения, потому что он узнал себя и принял таким, какой он есть. Теперь он нашел ответы на все свои вопросы. Понял, кто к нему часто приходил в снах, рассказывая о тайнах мироздания и далёких вселенных. То был его настоящий отец – Зевс, обычно покровительственно смотрящий на него, растворявшийся в таинственном свете, когда мальчик просыпался.

– Не плачь... Иди ко мне.

Амфитрион погладил сына по голове. В небе на секунду появилась и исчезла падающая звезда. Амфитрион, у которого в сердце наливалась тоска, воспринял это как знак того, что с его сыном всё будет хорошо. Хвала богам – его молитвы услышаны. Скрепя сердце, он открыл Алкиду еще одну тайну,

– Завтра на рассвете ты уедешь.

– Куда?

– Я отправлю тебя на Киферон. Пока в нашей округе не улягутся слухи. Там ты сможешь сосредоточиться на познании собственной силы вдали от сплетен, забыть произошедшее здесь. Научишься пасти скот, поможешь местным крестьянам.

Алкид кивнул в знак согласия, прошептав,

– Вы с мамой никогда меня не потеряете, обещаю.

Неизвестно, сколько они стояли у реки, обнявшись в свете Луны. На душе Алкида наконец-то стало спокойно, ведь ему открыли правду, и он принял ее. Не было больше страха перед будущим. Появилось желание не скрывать, а познать дарованную ему силу. Амфитрион, когда Алкид был еще ребенком, рассказывал ему, что сердце является не просто частью тела, а связью с предками. Быть может, заглянув в него, он сможет увидеть своего отца Зевса? Ведь главный бог Олимпа вездесущ, он может быть рядом с любым человеком, ни о чём не подозревающим, а тем более с сыном... Но что он ему скажет? И как с ним разговаривать? Почему Зевс не появлялся перед ним все эти годы, почему не рассказал всё сразу? С этим мыслями Алкид заснул после вкуснейшего ужина, который приготовила Алкмена. Она была рада тому, что спустя столько лет бремя тайны больше не тяготило их с Амфитрионом. Единственное, о чём они жалели – мальчик поздно всё узнал. Время не вернётся, теперь его полностью поглотит дальнейшая судьба, они больше не смогут быть вместе, как раньше. Но зато эти пятнадцать лет стали настоящим подарком, они дали этому ребёнку всё, что у них было. Благодаря этому он исполнит волю богов и войдёт в историю.

– Как думаешь, мы поступаем правильно?

Укрыв спящего сына, Алкмена взглянула на Амфитриона.

– Конечно правильно. Я договорился со старым приятелем. Он лучший охотник в тех краях, сможет позаботиться

об Алкиде. К тому же он прекрасный учитель в искусстве метания копья и стрельбы из лука. Поговаривают, этот притворный лесной бродяга подсмотрел и научился всем секретам Ориона в своё время.

– Аргий?

– Да, он.

– Он точно согласен?

– Как-то было дело, я спас ему жизнь. Думаю, пришло время ему оплатить свой долг.

Супруги покинули Алкида. Лишь сейчас, прогуливаясь при свете звезд, они осознали, что стоят на пороге чего-то неминуемого и величественного. Что, если им выпал шанс стать свидетелями грандиозного становления нового героя? Однако несмотря на то, что их сердца наполнялись гордостью при мысли о предназначении их сына, грусть от предстоящей разлуке постепенно набирала силу.

На рассвете Амфитрион с Алкидом покинули дом. Как только их силуэты скрылись в туманном горизонте, купавшемся в лучах Гелиоса, Алкмена начала молиться за них обоих Гекате, чтобы богиня сопровождала им в дороге, оберегая от опасности. Услышав искреннюю мольбу за любимых, Геката благословила отца и сына на удачный путь.

Неподалёку от знакомого киферонского леса, где Амфитрион не был очень давно, они повстречали Аргия, кото-

рый сдержал данное им обещание и пообещал позаботиться о юноше. Когда отец и сын попрощались, то Алкид увидел, что Аргий внешне не был похож на того легендарного человека, о котором ему рассказывал Амфитрион в дороге. Он был небольшого роста, с хитрыми глазами, обладал видом скорее вора, чем охотника. К тому же он прихрамывал на правую ногу, что не мешало ему быстро передвигаться. Алкид бежал за ним вприпрыжку.

– Ну что, юнец, для начала будем делать из тебя человека.

– Так я вроде уже...

– Твоей основной задачей будет пасти скот. Охранять его от всяких хищников, если таковые неожиданно придут отвещать свежей крови.

Рыжеволосый охотник громко рассмеялся. Алкид стал мрачнее тучи.

– А у вас тут водятся хищники?

– Бывает-бывает... Кстати, для того, чтобы ты проявил всю тонкость умения владения клинком, после основной работы на закуску будешь тренироваться. Очень приятно, я твой новый учитель. Пожали лапки и побежали.

– С прошлым как-то не сложилось...

– Я в курсе. Если в меня полетит твоя арфа, уши надерут так, что на Олимпе у всех голова пойдёт кругом! И хватит мямлить! Ты же парень! Оставь искусство истерики женщинам!

Теперь было ясно, у кого Амфитрион позаимствовал эту

фразу. Жизнь Алкида в корне изменилась с этого момента. Аргий так нагружал его работой и мелкими поручениями, что мальчик еле-еле успевал всё сделать до вечера, а потом бежал к нему на тренировку. Учитель был суров, но справедлив. Ему было известно о божественной силе Алкида, он научил его управлять даром небес. Занятия заканчивались за полночь, а на рассвете Алкид снова вступал в битву с суровыми буднями. Юноша не заметил, как в этой суете и беспрекословном подчинении Аргию, пролетело целых три года. Он даже позабыл, как ужасно уставал на первых порах. Жизнь была насыщенной. Алкид не вспоминал о том, как его ненавидели и боялись. Здесь он стал душой компании. Новоброшенный рыжеволосый учитель познакомил его с остальными местными охотниками, которые завидовали юноше белой завистью от того, что именно Аргий стал обучать его. «Парнишке невероятно повезло», – говорили они. После сурового дня охотники вместе с юношей собирались у костра, рассказывая байки и истории. Это было самое безмятежное и упоительное время. Но оно не могло длиться вечно.

В один из таких вечеров, когда вспоминали Ориона и Артемиду, их легендарную охоту, всё изменилось. Пламя по-прежнему грело друзей, на огне жарился теляенок, пахло парным молоком и аромат готовящегося блюда чувствовался за несколько десятков метров от бивуака. Все мирно отдыхали после очередного дня. Несмотря на позднее время суток, пронизывающего прохладного ветра почти не было, похоже,

что к их ночным посиделкам присоединилась сама природа, не мешавшая друзьям.

Алкид вместе с Аргием пришли вместе, опоздав после очередной тренировки. Если бы Алкмена или Амфитрион увидели своего сына прямо сейчас, то не узнали бы. Как же он изменился за эти три года! Не стало того наивного, неуверенного светловолосого мальчика. На его место пришел смелый, крепкий, высокий и темноглазый юноша. Аргий по-прежнему командовал и обучал юнца, внешне не показывая, что он им гордится. Когда парнишка появился на Кифероне несколько лет назад, то, откровенно говоря, далеко не все верили в то, что из него выйдет что-то стоящее. Зато сейчас каждый охотник и пастух был знаком с ним лично, с радостью встречая его, когда он приходил к ним по вечерам.

– Ну наконец-то, братцы! Мы уж думали, что Вы Аид пошли искать!

Аргий в своём репертуаре! Смотри, если загоняешь парня – мы тебе все потом уши надерём!

Воцарилась радостная перепалка между знакомыми. Рыжебородый киферонец Деимос всегда любил кинуть в сторону наставника Алкида пару-тройку острот, после чего они обнимались, громко смеясь, и приступали к трапезе. Пастухи – добротный народ. Они всегда умели радушно встретить гостей, приготовить вкусную пищу. Конечно, им было далеко до изысканных яств царской кухни, но зато от них всегда все уходило сытыми и довольными. Так уж вышло, что

на Кифероне – границе Аттики, Беотии и Мегариды, жило не так много людей. В основном это были искатели лесных приключений, охотники да пастухи. Практически все знали друг друга в лицо. И когда наступал вечер, мужчины любили спать под звездами у костра, а перед этим неминуемо начинался пересказ всеми любимых баек.

– Да я тебе говорю – он ее видел!

– Да не видел! Он же старый хрыч уже! Ага, так я тебе и поверил, что он со своим зрением нимфу увидел и поцеловал!

– Сам ты старый хрыч! Она сама его поцеловала, верно, Космас?

На этот вопрос приятель ничего не ответил, так как мирно спал, свернувшись калачиком.

– Да он уснул в лесу! Ему она приснилась. Эх, ты, старый развратник, любитель нимф!

Аргий и Алкид переглянулись. В подобных перепалках они участвовали редко, молча слушая забавные истории.

– Ну а ты, Алкид?

Юнец вздрогнул от неожиданного вопроса. Деимос не унимался.

– Видал ли ты дриаду, быть может, нимфу? Уж тебе-то я точно поверю, если видел.

Тут неожиданно проснулся Космас,

– Да ему не до дриад и прочих лесных дев. Опасаюсь я,

друзья, что наш юнец уже отдал своё сердце.

Аргий не выдержал,

– Оставь пафос! Какое сердце? Кому отдал?! Быть того не может!

Космас хитро улыбнулся,

– Ещё ой как может!

И тут наставник наконец-то понял, о ком идёт речь и громко расхохотался.

– Неужели Мегара?! Старшая дочь царя Креонта?! Ну ты молодец, пацан! Не вкусив женских ласк, уже умеешь правильно выбирать!

Алкид смущённо потупил глаза. Он не любил те моменты, когда старшие товарищи без труда разгадывали его мысли, чувства и помыслы. Аргий потрепал по плечу, подмигнув. Он знал о тайне, просто никогда не выдавал её знакомым приятелям охотникам или пастухам. Те ребята тоже не глупые, они давным-давно обо всём догадались сами.

Внезапно к костру подбежал Маттиас – пастух, стороживший стада в западной части Киферона.

– Беда, братцы! Беда!

– Ты отдышись! Что случилось?

– Напасть пришла к края наши! Половина скота, принадлежащая царю Фестию, вырезана! Я ничего не смог сделать!

– Кто способен на такое злодеяние?

Маттиас сел на землю, заломив руки. В его чёрных глазах была паника. Он еле-еле стоял на ногах. Ему быстро дали

выпить парного молока.

– Киферонский лев. Он тёмный охотник, питающийся страхом, невероятно жаждущий крови невинных. Отродье гор, ужасный монстр... В наших краях давно были слухи о нём, но никто не верил. А я вот увидел его!

Сын Амфитриона подошел ближе к испуганному пастуху.

– Как он выглядел?

– Огромный, рыжий... Глаза горят огнём.

– Может, в тебе говорит страх?

– Нет... Я точно видел! Наши друзья поговаривают, что он обитает в одной из пещер запада. Они выследили его сразу после того, как он скрылся. Меня послали к вам, чтобы предупредить...

Охотники и пастухи переглянулись. Космас тихо произнес,

– Твой ученик самый сильный из нас, Аргий. Ты обучал его целых три года. Он может справиться с этим существом.

Маттиас оторопел,

– Но он же так молод!

Сын бога покачал головой,

– Во мне сила двенадцати мужчин. Я попробую остановить зверя, иначе он доберется до каждого из нас.

На следующее утро Маттиас, Аргий и Алкид отправились к пещере чудища. Юноша захватил сделанную им дубину из оливкового дерева. Он потратил на ее создание три дня

и три ночи. Преимущество этого оружия – лёгкость.

Было решено расставить несколько ловушек снаружи, которые обездвигают льва при попытке бегства. Воин принял основной удар на себя. Его наставник и пастух остались в пяти метрах от логова чудища. Юнец не чувствовал страха. По дороге к пещере до них доносился отвратительный смрад разлагающейся плоти. Повсюду лежали останки скота. Земля была влажной и рыхлой от крови.

В расщелине скалы вонь стала невыносимой. Стояла groboвая тишина. Алкид, задержав дыхание, вошёл внутрь. Сначала ему показалось, что пещера крохотная, но ведь известно, что всё может быть не таким, каким кажется на первый взгляд. Лев не выдавал себя. Алкид в этой кромешной темноте не мог понять и даже почувствовать, где находится чудище. Но внезапно ему показалось, что вдали есть две щели в скале. Они странным образом двигались, медленно приближаясь к нему. Но то были не щели, а огромные пылающие глаза. Снаружи пещеры раздался охотничий клич Аргия, который заметил монстра, и внутрь логова влетел целый град подожженных наставником стрел. Затем последовали отравленные клинки.

Алкид благодаря горящим стрелам наконец-то увидел, кто скрывался в кромешной тьме. Он увидел голодного, жадного хищника огромного размера, готового кинуться и растерзать плоть до костей. В глазах, казалось, горел огонь Аида, из пасти капала кровь недавно убитых жертв. На те-

ле не было даже царапины от всех нанесённых охотничьих ударов. Юноша и неистовое воплощение тьмы остались один на один. Зверь скалился, его клокочущий рык оглушал. В страшной гримасе стали видны острые клыки, а на мощных толстых лапах блестели стальные когти. Ощущая панику неопытного юнца, лев будто упивался собственным превосходством и ненасытностью. Он не давал сосредоточиться, ходил из стороны в сторону, не сводя свирепых малиновых глаз с будущей жертвы этого смертельного поединка. Нервы юнца на пределе, он весь натянут, как струна. Он не слышит ни предупредительные крики Аргия снаружи, ни причитания пастуха. Его уши будто целиком заполнил невыносимый рев, который был похож на самый страшный гул морского шторма.

И вот настал тот миг, когда монстр решил больше не играть с жертвой и кинулся на Алкида, чьи руки онемели, сжимая потяжелевшую дубину. Лев полоснул юнца, оставив кровавый след с шеи до пояса, но воин не упал от его удара. Сын бога, поборов волнение, решил сыграть со смертью и позабыв, что такое бояться, со всей силы ударил льва дубиной. Зверь, стерпев дикую боль с окровавленной мордой, на которой из-за струящихся потоков алой крови не было видно глаз, снова кинулся на Алкида, получив последний смертельный удар. Он отшатнулся от воина, не желая сдаваться, до последнего смотря сыну бога прямо в глаза. Но вот лапы не выдержали, и чудовище с грохотом рухнуло на землю.

Сын бога моментально взвалил его себе на плечи и вынес из пещеры.

Аргий, изумлённый победой ученика, вышел ему на встречу, хлопая в ладоши. Трусливый пастух поблагодарил юношу, но не решился дотронуться до убитого монстра.

В тот вечер, когда уже начало смеркаться, бывалые охотники снова зажарили телёнка. Они даже не позволяли допускать мысли, что Алкид и Аргий погибли. Какова же была их радость, когда они увидели вдалеке эту парочку! А какой пир последовал после встречи!

В благодарность за убийство киферонского льва пастухи сняли с него шкуру, гордо преподнесли её в качестве трофея Алкиду. Слава внезапно обрушилась на плечи юноши. Выдержит ли он ее – покажет время.

Аромат вечернего греческого воздуха пахуч, как сладкое благоухание весны. Ночь по лестнице из загоравшихся звезд гордо спускалась на дремавшую землю, на которой, словно водоворот, зарождался туман сгущавшихся сумерек. С горных вершин доносился тревожный ветер, пропитанный предчувствием надвигающейся угрозы. Травы наполняли терпким запахом все пространство, наливаясь темным малахитовым оттенком. Небеса, сбросив со своих плеч невинный лазурный цвет, нарядились в ультрамариновый, закрыв очи сумеречным кружевом. Какой же восхитительной свободой пропитаны вечера на Кифероне... Словно нет человеческих бед на земле!

После победы надо львом, чья шкура бронзой отсвечивала, когда на нее попадал свет Гелиоса или пламени костра, Алкид по вечерам не приходил к охотникам и пастухам. Он порядком устал от внимания, оказанного ему, к тому же в толпе юнец чувствовал своё одиночество. Аргий внезапно сообщил о том, что решил жениться, поэтому покинул Киферон. Герой поблагодарил его за все, ведь наставник научил его многому. В итоге он остался один на один со своими мыслями, об ушедшем учителе и о девушке, по которой он так скучал. Лишь у костра вдаль от всех он мог предаваться мыслям, воспоминаниям о Мегаре. Когда-то давным-давно две благородные фамилии породнились. Младший брат его матери Алкмены Ликимний женился на сестре фиванского правителя, и царь Креонт стал родственником Амфитриону и его семье. Сын Зевса и Мегара с детства проводили время вместе, так как их матери стали подругами.

Юному герою всегда казалось, что в очах принцессы таится нечто таинственное. Несмотря на то, что она была юной, в ней сокрылась бездна мудрости и опасности. Она манила и отталкивала одновременно. Забыть ее взгляд было невозможно.

Она славилась не только внешней привлекательностью, но и коварством. Хотя по большей части Алкид не верил всему тому, что про неё рассказывали. Ему было известно, что Мегара хотела стать верховной жрицей. Она обладала гиб-

ким стройным станом, участвовала во многих праздниках, в своём танце восхваляя богов. Её движения были стремительными и яростными. Подобно дикой грациозной кошке в танце принцесса могла заморозить любого, извиваясь в потоках ветра и музыки.

Но царевна все же никогда не являлась той расчетливой обольстительной и жестокой, как о ней рассказывали. Окружающий мир её пугал, она хотела спрятаться от него. Основной причиной страха и нежелания быть среди людей, несмотря на свой титул и социальный статус, являлась её красота. Слишком красивая и слишком мудрая, нелюдимая, решительная, дерзкая. Ей льстили комплименты, она учтиво принимала внимание мужчин. Однако они в ней не вызывали никаких чувств. Мегара поразительно хорошо разбиралась в людях, ощущая на подсознательном уровне, кто перед ней стоит. Будто сама богиня мудрости Афина поцеловала ее в колыбели.

Внешность воистину обманчива. С виду хрупкая и беззащитная, внутри – настоящий боец. Мегара, еще будучи маленькой девочкой, попросила у отца обучить её мастерству владения клинком, стрельбе из лука, а также умению драться. Царь Креонт сначала умилялся её просьбе, но потом понял, что девчонка не шутит. Тогда он сам стал ее обучать, рассказывая великие тайны военного мастерства. Она впитывала всё как губка, желала учиться еще и еще, до полуночи отрабатывала удары, пока отец грозным тоном не приказывал

вал идти спать. Мегара ничего никогда не боялась. Но если даже страх закрадывался в ее сердце и обвивал его, подобно питону, то ощущение риска подстёгивало её. Ей всегда было интересно проверить свои способности на прочность. Она училась всему жадно. Ее интересы в корне отличались от тех, какие присутствовали у представительниц голубых кровей, например, у ее сестры. Креонт порой шутил, что иногда ему казалось, будто Мегара рождена от Ареса.

С семи лет её излюбленным оружием стала махайра, она любила сражаться на двух. Стрельба из лука давалась сложнее. Из-за хрупкого телосложения натянуть тетиву было не так уж легко. Лишь в тринадцать лет она полностью овладела луком, в этом ей помогла страсть к охоте. Отец обычно брал ее с собой, так как видел, что в стенах дворца ей бывает невыносимо. Она не понимала, почему люди способны завидовать и распускать грязные сплетни за спиной. И словно молодая львица среди гиен, Мегара непоколебимо выполняла свои обязанности, одевая маску безразличия и циничности по отношению к тем, кто это делал.

Известно, что земля полнится слухами. Алкид догадывался, что многое о ней было приукрашено. Некоторые факты опущены. Но о красоте ее не лгали, в этом он лично убедился, когда увидел, как она танцевала. После очередной тренировки еще до победы над киферонским львом Аргий взял его с собой на праздник в честь Диониса. Глаза Мега-

ры таинственно сверкали, как изумруды. Очи ярко смотрелись на фоне бледной аристократической кожи и темно-каштановых длинных выющихся волос. Точеная фигура в золотых пластинах, прикрывавших грудь и бедра, при блеске Луны и горящего огня становилась похожа на статую из слоновой кости. Её гибкие ритмичные движения вводили зрителей в какой-то чудесный транс, а музыка все лилась и лилась, обволакивая пространство. Мегара улыбалась, кружась и восхваляя богов. Именно тогда взгляды танцовщицы и молодого героя встретились. Мимолетный миг решил их судьбы, predetermined грядущие события...

Дуновение ветра отвлекло Алкида от воспоминаний. Сладкий сон постепенно поглотил уставшего героя, ушли все думы, позабылись тревоги юности. Временная пелена забвения обрушилась на него, и он уснул у костра. В царстве Морфея перед ним в крошечной тьме, расплескавшейся вокруг как море, предстал огромный орел. Он грозно смотрел на юного героя, одним взмахом крыльев отгоняя мрак. Сверху лились потоки света Луны и Солнца. Откуда-то слышался звон клинков и боевые крики, били барабаны. Перья вестника сверкали золотистым светом, а глаза смотрели куда-то в даль, где раскинулось поле битвы. Воин во сне пытался дотронуться до странного существа, но орел взлетал все выше и выше, пока не скрылся высоко в небесах, откуда, словно река, лился водопад света, почти ослепившего героя. На миг

юнцу показалось, что он где-то уже видел этого орла.

Внезапно юноша проснулся. Перед глазами предстала странная картина, небеса были затянуты серыми тучами, грозно двигавшимися в сторону Фив. Иерофей – молодой парнишка лет пятнадцати, его приятель-пастух, бежал к нему издалека, за ним шли два каких-то незнакомых воина. Для своих лет Иерофей был умен и никогда не беспокоил того, кто расправился со львом, без серьёзной причины. Мальчишка, запыхавшись, произнес,

– Алкид, они к тебе!

Когда чужаки подошли ближе, стало ясно, кем они являлись. У героя возникло предчувствие, что их разговор добром не кончится.

– Приветствуем тебя.

– И вам не хворать.

Они переглянулись и загоготали,

– А он дерзкий. Говорят, ты голыми руками прикончил того льва. Сложно, наверное, пришлось?

Сын Зевса стиснул зубы.

– Что вам нужно? Зачем пришли?

– Дорогуша, по ходу ты не далекого ума. Видишь ли, мы – посланники Орхомена, царь Эргин – наш великий владыка. А ты ублюдок Амфитриона, убийца Лина. Вроде как твоя мать нагуляла тебя от бога во время отсутствия законного супруга. Мы пришли взять то, что по закону принадлежит

нашему царю, а именно – дань! Иначе...

Он не успел закончить. Алкид одним рывком схватился за нож и нанес два удара. Орхоменцы взвыли от боли, как побитые псы. Герой сжал в руке отрубленные носы посланников, чьи лица заливала горячая кровь. А затем швырнул их минийцам, выкрикнув,

– Мне кажется, именно это вполне удовлетворит всеми почитаемого владыку Эргина. Пошли вон отсюда!

Разумеется, это событие не осталось без царского внимания. Фактически действие Алкида сочли за объявление войны. Эргину нужен был лишь малый повод для того, чтобы напасть на Фивы. Он ненавидел этот город всеми фибрами своей души. Креонту ничего не оставалось, как объявить подданным о приближавшейся битве. Амфитрион прибыл на Киферон для того, чтобы обсудить дальнейшие действия с Алкидом.

– Сын мой!

Они обнялись.

– Тебе известно, мой дорогой сын, что сейчас беспокойное время... Царь Орхомена Климен недавно умер, а перед своей смертью он заставил своего сына Эргина поклясться, что тот отомстит за него фиванцам. Так вот Эргин сдержал клятву.

Юноша пожал плечами. Он догадывался, о чем сегодня

ему расскажет отец.

– Он наложил непосильную дань. Его посланники недавно нанесли мне оскорбление.

– Минийцам нужна была мелочь! Один мерзкий повод, вызванный даже унижением фиванцев! В данном случае – тебя. Ты повелся на него, позволил им объявить о своих истинных намерениях!

– Отец, они разоряют хозяйство, насилуют наших женщин из прихоти!

– Ты юн и горяч. Но в дипломатии всегда должен быть холодный рассудок. Ты понимаешь, что подставил под угрозу всех нас?!

Алкид потупил глаза и нахмурился. Амфитрион покачал головой,

– Будет война... Эргин ненасытен. Он жаждет крови. Даже все сокровища Фив не окупят смерти его отца. Ему чужды законы морали и нравственности. А после твоей выходки у Креонта нет выхода, надо идти на бой. Эргин не успокоится до тех пор, пока от Фив камня на камне не останется! Я полемарх фиванского царя и, безусловно, сделаю все, чтобы защитить народ. Но сейчас нам нужны все силы! На стенах Фив уже зажжены сигнальные огни.

Алкид сжал кулаки,

– Тогда, отец, ты совершенно правильно сделал, что поведal меня. Здесь в округе есть много молодых парней, которые искусны в военном деле... Кстати, где мой брат Ификл?

– Он здесь, остановился неподалеку от этого места. Я хотел поговорить с тобой с глазу на глаз, дабы обсудить детали. Сегодня я послал гонцов с приказом на Киферон, чтобы здешние стада гнали в Фивы. Чтобы каждая женщина была сокрыта, каждый ребенок и старик защищён. Общественная безопасность – главное! Сейчас я постараюсь как можно быстрее вернуться обратно в город и проследить, чтобы все прошло по плану.

Амфитрион снова обнял сына, они с ним молча прошли к тому месту, где их дожидался Ификл, стоявший рядом с колесницей отца. Он изменился за то время, пока Алкид его не видел, возмужал, похорошел. По видимости унаследовал красоту Амфитриона, статный, гордый. Голубые очи, тёмно-русые волосы, смуглая кожа. Ификл не обладал той физической силой, какая была у Алкида, но, исходя из рода персеидов, он имел поразительное чутье на выбор правильной стратегии. По натуре горячий и нетерпеливый, хитрый, он всегда попадал в неприятности. Амфитрион с детства называл его ловкачом за умение выкрутиться из любой ситуации.

Увидев издаലെка своего брата, Ификл пошел к нему навстречу, раскинув руки,

– Брат мой!

– А ты подрос.

– В частности интеллектуально. Есть идея, как оказать отцу максимальную поддержку. Ну ты выдал с теми орхомен-

цами!

Амфитрион никогда не любил говорить напутственные речи перед битвой. Ведь что бы он ни сказал, но любой воин может оказаться в Загробном Царстве Аида. На все воля богов. Взглянув на сыновей, он молчаливо кивнул и забрался в колесницу. Лошадь фыркнула и поскакала, унося его вдаль, молнией пронзая дремавшие поля Киферона. На миг показалось, что столетиями спавшие горы открыли очи, чтобы увидеть великого воина и черного несущегося по полям быстрее спартанского копья, грозно топтавшего землю, скакуна.

Небеса хмурились. Взглянув на них, Алкид вспомнил недавно увиденный сон. Оба брата почувствовали, как тяжело вздохнула Гея. Как Гелиос скрылся за тучи, будто не захотел смотреть на грядущее кровопролитие. Травы, раньше спокойно колыхавшиеся при ветре, сейчас прогнулись почти до земли, в которой чувствовалось напряжение. Дыханье Зефира усилилось. Сама природа готовилась к битве...

– Ты чувствуешь?

– Да, Ификл... Боги ждут этой войны. А земля не желает побагроветь от человеческой крови. Пора идти за остальными братьями.

Ификл ослепительно улыбнулся и громко расхохотался, сверкнув очами.

– Я что-то пропустил? Когда ты успел ими обзавестись?

– К западу отсюда живут неплохие ребята. Когда-то они

были бравыми воинами и обучили своих сыновей всему, что знали сами. Они меня радушно приняли, когда я юнцом после гибели Лиана ступил на киферонскую землю.

– Тебе Аргий о них рассказал?

– Да, пока он считал Киферон своим домом. Он нас познакомил.

Младший брат почесал затылок – то был явный признак того, что в его голове появилась очередная идея,

– Точно! В фиванских храмах наверняка есть оружие. Люди приносят его в качестве даров. Нам оно понадобится.

– Думаю, боги не будут против, если мы позаимствуем его на время. К тому же, если бы они не хотели, то не допустили бы этой битвы. Кстати, как у тебя дела с мечом?

– Ну как тебе сказать, брат... Наши с ним отношения до сих пор переживают кризис. Я ему часто и весьма успешно изменяю с луком и пращей, с которыми мы не расстаемся.

Кто бы мог подумать, что несколько лет спустя два брата будут сражаться вместе на поле сечи, где рыщет смерть и нет места прощению и жизни! К ним примкнули такие же молодые, отчаянные и искусные в военном деле парни. Когда Алкид с Ификлом поведали о том, что надвигается на семи-вратные Фивы – закричали киферонцы, возмутились, схватили оружие, поцеловали своих матерей, поклялись своей честью перед отцами и пустились в путь под предводительством юного героя. Небольшой отряд побывал в нескольких храмах, где было добыто оружие, жрецы с пониманием от-

неслись к их поступку. В обители Диониса они столкнулись с Мегарой. В городе уже знали, что сыновья Амфитриона собирают войско. Царевна без ведома отца решила сражаться плечом к плечу с киферонцами. Она тайком пробралась в храм и ждала их у огромной статуи, зажигала благовония и молилась. На ней был плотный льняной доспех, сделанный точно по фигуре. К спине прикреплены махайры, мечи и колчан со стрелами, в руках – лук.

– Приветствую вас. Я дочь Креонта, решила биться с вами.

Воины засмеялись. Никто не ожидал такого поворота событий.

– Не будет ли безопаснее скрыться в городе? Поле сечи – не царская колыбель. И не место для столь юной девы. Креонт в курсе?

– Меня с детства обучали сражаться. Амфитрион велел передать, что битва состоится в предгорьях Геликона, на равнине Кефисса. Там фиванцы встретят минийцев, которые в последний раз вступят на нашу землю. Пойми меня, Алкид, я не могу оставаться в стороне. На кону – судьба моей Родины. Ты ведь спас Киферон ото льва, а я хочу спасти Фивы от чудовища, желающего превратить в рабов женщин и детей.

– Принцесса, на войне убивают.

Мегара улыбнулась.

– Я знаю.

– В предгорьях Геликона, значит... Скалы могут послужить отличным прикрытием. Мы сможем напасть внезапно.

Никто не понимал, откуда в ней столько храбрости. Известно, что война – не женское дело. Но герой не стал препятствовать ее выбору. Вмешался Ификл,

– Здесь, царица, 30 самых храбрых и искусных мужчин Киферона. Они оставили свой дом, чтобы защитить Родину. К ним прибавятся дюжины колесниц и полсотни пехоты Креонта. Известно ли тебе, сколько придет с вражеской стороны?

Мегара опустила глаза.

– Эргин отправил в два раза больше...

Раздался военный клич.

– Значит, мы вовремя собрали вас, братья!

Было решено атаковать врага с тыла, чтобы таким образом застать его врасплох. Передняя часть войска Эргина будет слишком занята сражением с бравыми воинами Креонта. Логично предположить, что Эргин, яростно желающий видеть падение Фив, будет наблюдать за всем издали, чтобы полностью насладиться своей мстостью и гибелью фиванцев.

Час битвы приблизился. Трясется земля от минийского нашествия, тьма надвигается на Фивы. Равнина Кефисса, затаив дыхание, ждет первой крови. А в городе сотни матерей и дочерей ждут мужчин, молясь богам. Им больно при мысли, что они больше никогда не увидят любимых живыми. Что их целиком поглотит Аид под смех ненасытного Эргина,

человека, продавшего душу во имя гнева и ослепительной мести. Плачут дети, молчат старики, на чьих испещренных морщинами лицах застыл ужас. Слезы – это все, что у них сейчас есть, когда небеса содрогнулись и молча наблюдают за Фивами, когда воздух пахнет страхом и предчувствием смерти.

Как бы то ни было, Эргин не знает о сыне бога, отважившемся бросить ему вызов с воителями, несколько лет назад принявшими его и взрастившими в нем истинного воина, того, кто никогда не сдастся и способен сделать лишь один смертоносный удар для достижения победы и славы. Которым гордится великий Аргий – его учитель, въехавший сегодня на поле боя в колеснице вместе с Амфитрионом. Война помешала его женитьбе, и поэтому он намерен ее закончить. Как Гелиос сверкают микенские доспехи старых друзей, как гром звучит голос Аргия,

– Воины семивратных Фив! Сегодня, когда сам Зевс благословил нас на освобождение от этого рабства, мы возьмем мечи и вонзим их в плоть наших врагов! Даже в Аиде они будут вспоминать то краткое мгновение, когда посмели осквернить нашу честь, внушить страх нашим женщинам и детям! Сегодня настанет час истины, мы обеспечим безопасное будущее нашим семьям... И Фивы в лучах Аполлона расцветут, и настанет новая эра, эра свободы и светлого будущего! Так давайте прольем кровь тех, кто возомнил себя владыками Фив! И научим их хорошим манерам!

Воины закричали в знак одобрения. Они верили каждому слову, каждому жесту Аргия. Вдалеке послышался грохот войска наступающих минийцев. Настало время схватки. Пустились в ход золотые конницы Фив, зазвенели мечи, полилась кровь столкнувшихся в этой смертельной схватке человеческих тел. Летели копья, грозно ревели воины, смерть на мягких крыльях спускалась за душами погибших... Алкид, Ификл с их отрядом наблюдали за началом боя. Когда вдалеке в темнойдвигающейся массе минийцев наконец-то показалась царская колесница, по сигналу воины Киферона вышли из засады вместе с героем, облаченным в львиную шкуру. Они, словно лавина, бросились в тыл фиванцев. Мегара и Ификл следовали за основной частью отряда сзади. Они следили за минийскими лучниками, целившимися в их друзей. Лишь сейчас принцесса поняла, как выглядит смерть. Ее окружал не царский двор для тренировок, а поле сечи, где умирают. Она испугалась, руки затряслись, лук выстрелил. Минийца поразила ее стрела, он упал на землю, корчась от боли. Руки принцессы похолодели, пульс участился. Страх ядом разливался по телу. Глубоко вздохнув, Мегара увидела целившего в нее лучника. Это ее отрезвило, внутри что-то сжалось, теперь она понимала, что выбора у нее нет. Или выстрелит она, или убьют ее. Дочь Креонта попала лучнику прямо в сердце. Больше ей не было страшно. Горе тому, кто отважился бы посягнуть на отряд Алкида! Ярость разливалась по телу воительницы, она стреляла

без промаха. Страх смерти все еще закрадывался в сердце, но на этот раз ей удавалось им управлять.

Протаранив растерянных от внезапного нападения минийцев, отряд двинулся в сторону Эргина, следившего за основным полем боя, происходившим впереди. Киферонские копья вонзались в неготовых к такому «теплому» приему врагов, звенели мечи, лились реки крови. Минийцы постепенно отступали в сторону царской колесницы. Даже лучники уж не могли сдерживать натиск войска юного героя. Повсюду раздавались крики раненых.

Ификл метко стрелял по минийцам. Его раззадоривало участие в сражении. Громко смеясь, он раздавал врагам не только меткие удары, но и успевал бросать в их адрес самые изощренные комбинации фиванских ругательств. Мегара, увидев, что в сына Зевса целится несколько лучников, обнажив махайры, двинулась в бой. Собравшись с духом, она позволила лезвию меча вонзиться в мягкую плоть врагов. Впервые в жизни по ее рукам струились потоки крови убитых. Не было страха, было лишь желание выжить и спасти Фивы. До лучников оставалось немного. Схлестнувшись с ними в бою, она ранила двоих. Мечи сверкали рубином от крови. Третий, увернувшись от ее выпада, успел вонзить в нее клинок, но она не чувствовала боли. Как только враг отвлекся, она нанесла ему смертельный удар. Затем ее окружили. Ловко увернувшись брошенных в нее копий и острых, как бритва, вражеских лезвий, она ранила еще четве-

рых воинов. Дралась за Родину, не жалея себя. Сзади Мега-ры Ификл, разозленный орхоменскими захватчиками, отчаянно дрался с двумя сильными минийцами.

Фиванские воители прорвали линию обороны противника. Теперь на выручку молодым воинам Киферона пришла основная армия. Колесницы быстро неслись по полю, на них сыпался град стрел противника. Победа Фив была близка. От руки Алкида пали десятки воинов. Молодой герой остав-лял после себя землю, усеянную трупами. Когда он увидел, что Ификл потерял из поля зрения дочь Креонта, и она бьет-ся с врагами один на один, то поспешил к ней. Орудяя ме-чом, его брат ворчал,

– Подлые минийцы! Они нападают сзади! Дерутся, как девчонки! Ко мне, дамы, сегодня я никого не оставляю без внимания, не пропускать же десерт!

Подбежав, Алкид увидел, что из спины подруги сочится кровь. Одним ударом он поразил сразу трех мужчин, напав-ших на нее. Они упали наземь и не очнулись.

– Сильно ранена?

– Это царапина.

– Держись ближе ко мне, поняла? Не лезь вперед.

Кивнув, она пронзила мечом минийца, замахнувшегося на Алкида сзади. Улыбнувшись, тихо произнесла,

– Спасибо скажешь потом.

Основному войску Креонта удалось оттеснить минийцев в сторону, где их поджидали киферонцы. Аргий вместе с Ам-

фитрионом прорвались в середину битвы. Там они столкнулись с колесницей Эргина. Алкид, увидев, как это произошло, начал отчаянно прорываться к тому месту, чтобы помочь учителю и отцу. На долю секунды юнцу показалось, что ситуация под контролем, и его отец побеждает орхоменского владыку. Но это было не так. Эргин, превосходно сражающийся на ксифосе, нанес отцу героя тяжелую рану, а затем вонзил ему кинжал прямоком в солнечное сплетение. По телу Амфитриона разлилась ужасная боль, он не успел предвидеть этот удар и упал на землю. Эргин начал сражаться с другими фиванскими воинами. Аргий, обернувшись, в бешенстве убил своего противника и стал биться рядом с телом друга, чтобы никто не смог нанести ему еще один удар. Когда выдалась небольшая передышка, склонившись над Амфитрионом, Аргий впервые в жизни не находил нужных слов,

– Как же так, а?! Старый дурак, ты же обещал быть на моей свадьбе!

– Прости, Аргий. Это обещание я не смог сдержать. Скажи Алкиду...

Крепко сжав руку Амфитриона, воитель пообещал встретиться с ним в Аиде. Из-за горя и боли от его руки пали еще пять воинов, но даже после этого он не смог утолить свою потерю. Над полем битвы раздался его крик. Алкид, увидев, что отец лежит на земле, а Эргин убивает молодого фиванского паренька, пошел напролом сквозь войско минийцев к орхоменскому царю, чтобы отомстить за смерть Амфитри-

она. Наконец, добравшись до Эргина, Алкид посмотрел ему в глаза. В них не было ничего, ни страха, ни ужаса от смерти земляков, лишь жажда мести, сжигающая его изнутри. Орхоменский тиран первым кинулся на героя, воин смог отразить его удар, сделал выпад, ранив царя в ногу. Эргин сражался яростно, ему было все равно, умрет он или останется в живых, он словно нарывался на смерть, ждал ее, чтобы забылись все воспоминания. Увернувшись от удара убийцы своего отца, воин в львиной шкуре сразил Эргина. Его меч скользнул по шее царя. Хлынула кровь, и жаждущий мести наконец-то услышал шёпот смерти. Узнав о гибели Эргина, киферонцы радостно закричали. Орхоменцы сложили оружие. Битва прекратилась. Мегара, стоявшая рядом с Алкидом, внезапно упала.

– Что?! Что такое?!

Она успела произнести лишь одну фразу перед тем, как потеряла сознание,

– А ты действительно сын Зевса...

Алкид в беспомощности рявкнул,

– Не вздумай умирать, поняла?! Ификл, беги сюда! Зажми ей рану, найди коня и скачи что есть силы во дворец.

– А ты, брат?

– Я останусь!

– Мегара должна поправиться.

Она рисковала своей жизнью ради него. Была ранена, потому что пыталась его спасти. Не успел он оправиться

от мысли, что дочь Креонта может умереть, как к нему подбежал Аргий. На нем виднелись следы крови и небольшие раны, которыми его наградили минийцы. Боль, страх горячими потоками разливались по телу. Рассудок не могу поверить в свершившиеся.

– Алкид... Идем. Твой отец...

Небеса потемнели. Амфитрион боролся со смертью, понимая, что ему осталось недолго. Он хотел увидеть сына, прежде чем канет в Аид. Кровь горячим потоком сочилась из раны. Глаза застилала какая-то пелена. В теле постепенно появлялась лёгкость. Не было страха, лишь спокойствие и умиротворение.

– Отец!

Алкид обнял отца, прижавшись к нему.

– Мальчик мой! Мой герой. Передай Ификлу, что я вами обоими очень горжусь. Да хранят вас боги! Поцелуй Алкмену за меня...

Амфитрион, дотронувшись до щеки Алкида, умер. Похолодела его кожа, глаза без отрыва смотрели в небо, в котором раздались раскаты грома. Сквозь черные тучи на то место, где лежал великий воин, пролились лучи Гелиоса. Сам Зевс скользнул огромным орлом в вышине, ибо чувствовал страдания и нестерпимую боль своего сына Алкида. В изумрудной листве леса, расположенного неподалеку, Олимпия заметила деву с огненно-рыжими волосами. В висках при этом сильно забарабанило. То и дело появлялись мысли о том, что

это не последнее ведение, что следующее будет как-то связано с нею. Боль была такой сильной, что хотелось заплакать. Артур молча не сводил глаз с Оли, неодобряюще качал головой. Лекция подходила к концу. Карл Юрьевич объяснял заключительный слайд презентации и уже плавно переходил к длинному списку источников, с которыми нужно было ознакомиться в срочном порядке каждому студенту к семинару.

– На этот раз все было относительно нормально. Ты не кричала, не говорила. Просто исписала все листы и парту на древнегреческом.

Артур дождался, пока все начнут вставать, собираться и покидать лекторий. Нахмуренное лицо выдавало в нём волнение. Последний раз она видела его таким примерно год назад, когда ей впервые бросило вызов собственное сознание. Он протянул ей визитку. На ней не было лица. Ранее ей удавалось контролировать себя, погружаясь в пучину прошлого и никого не пугая. Но в этот раз всё зашло слишком далеко. Нужно было что-то решать.

– Я написал ему в What's up о твоей проблеме. Леонид примет тебя сегодня. Через час. И это не обсуждается. Я подвезу.

Олимпия пыталась переварить своё ведение в полной тишине, нарушавшейся ревом мотора. Ранее жизнь была гораздо проще. На удивление внутри царило спокойствие, словно ничего не произошло. Она долго думала об Алкиде, о Ме-

гаре, о павших в бою воинах. О том, как начался их путь и как же он закончился? По легенде Геракл убил собственных детей. Гера внушила ему безумие, таким образом отомстив за измену Зевса. Спустя много лет ему удалось искупить вину и обрести покой. Жена Зевса простила его после смерти, Геракла вознесли на Олимп. За все пережитые муки громовержец дал ему в жёны Гебу. Не стало неуверенного Алкида и горя. Наступила новая эра благоденствия. Но было ли так на самом деле?

Машина летела на бешеной скорости. Они с Артуром сбегали с оставшихся лекций. Впервые за долгое время она была рада, что он рядом. Быть может, дипломатия – это тонкий баланс между терпением ко лжи и знанием того, что является правдой? Они никогда не были влюблёнными, продолжая танцевать каждый свою партию, не отрывая взгляда друг от друга. Между ними всю жизнь была странная связь. Он признавал, что она его всегда поймёт, а ей прекрасно было известно то, что он её никогда не оставит. Причина существования связи была не ясна, однако непреодолимая сила манила их друг к другу. При этом каждый понимал, что, возможно, игра скоро закончится и не факт, что в ней хоть кто-то станет победителем.

Её мысли переключились на саму себя. Почему ей дали такое странное имя? Зачем называть ребенка Олимпией, если она рождена не в Греции? Олимпия означает «небожительница». Что если её вёдения – это код и последователь-

ность, которую необходимо расшифровать? Что если в этом и есть ответ на то, в чем заключается ее судьба? Что если между ее родителями не возникло бы того рокового чувства?

Олли взглянула на Артура. Что-то тягостное возникало, когда она смотрела на него. Словно давно сросшаяся рана начинала кровоточить. И эта кровь отравляла все самые прекрасные и радостные чувства. Порой ей казалось, что она знает его, как свои пять пальцев. А порою перед ней словно находился посторонний человек. Его бесконечные знания о разных эпохах, исторических событиях, как будто он там жил... Станный человек: вечная загадка, между ними было все, кроме любви.

Однако почему он ей помогает? Словно добивается прощения, так как душа не на месте? Словно он рвется освободить ее? Хотя, возможно, он желал освободиться от чего-то сам? От чувства вины или какой-либо ответственности...

Танец, танец... Возможно, его никогда не было? Быть может, это всего лишь нить возмездия, связывающая смертных для кармической расплаты? Невольно вспомнился миф о Мойрах. Впрочем, не нужно об этом. Надо меньше читать эзотерики.

«Honda Accord» свернула через перекрёсток и проехала рядом с метро «Третьяковская». Где-то во дворах исторического центра Москвы прятался невзрачный кабинет Леонида, в котором он принимал своих клиентов. Наконец, Артур затормозил у одного из домов, и они пешком направились

к цели.

– Я не стану заходить внутрь.

– Круто... То есть я пойду одна, да?

Резко закуливший после продолжительного дорожного приключения знакомый указал на железную дверь кирпичного цвета.

– Вот нужный подъезд. Кабинет на третьем этаже. Справишься?

Когда он с ней разговаривал, его интонация пахла сладким ядом. Олли никогда не понимала, почему возникала такая ассоциация. Его голос словно наркотик проникал в самое сердце, заставляя биться его чаще. От волнения тряслись руки и приходилось рассказывать какую-то чепуху, о чем позже она горько жалела. Его глаза говорили больше, чем он сам. Застывшими льдинками они смотрели на нее. Такие глаза бывают у убийц и предателей. Потому что эти люди ни в чем не сомневаются. Олли отчего-то так казалось. А запах... У Артура его не было. Как у призрака, который что-то не успел сделать.

Она смогла из себя выдавить только пару слов, выразивших всю степень её негодования.

– Курить вредно!

Артур подмигнул,

– Жить тоже.

Лишь оставшись в одиночестве, он дал волю эмоциям.

Его выдавали трясущиеся руки и взгляд, безответно блуждавший по улице. Он был напуган. Тень прошлого, преследовавшая его всю жизнь, заново в нем возродилась. Он знал, что Леонид не старел и с завидной регулярностью менял место жительства. Его пронзительный взгляд, то, как он смотрел на людей, с поразительной точностью предсказывая, что с ними случится, всегда пугало Артура. Первый раз он увидел Леонида в детской больнице. Это было как раз перед тем, как все изменилось. Он несколько не постарел с тех пор. Леонид знал его темную тайну, знал о том, что совершила душа Артура сотни лет назад. Но что его так испугало?

В запасе было еще десять минут до начала сеанса. Но Оля решила не ждать и рванула в кабинет. На третьем этаже, стояло открыться старым хилым дверям лифта, перед ней нарисовались белые мраморные полы, высокие потолки с французской лепниной в виде песочных часов и серебряной люстрой, украшенной почему-то греческими драхмами. Как такие сокровища могут просто висеть и украшать люстру? Они, наверное, бесценны и им самое место не под пыльным потолком, а в музее.

Ресепшен кабинета пустовал. Её шаги эхом раздавались по залу. Единственным живым существом, которое выполняло свою работу в данном помещении, был хомяк, без остановки бегущий в колесе. При этом он не находился в клетке, рядом с ним не было ни питья, ни еды. Бедный зверек из последних сил выбивался, но продолжал крутить колесо. Сто-

ило Оле сжалиться над ним и протянуть к нему руку, чтобы вытащить оттуда, сзади раздался властный, бархатный голос, – Не стоит.

Олимпия, испугавшись неожиданного появления кого-то, вздрогнула и обернулась. Перед ней появился высокий, худощавый мужчина лет тридцати в костюме английского покроя, на удивление без галстука. В его глазах читалось сочувствие и даже сожаление.

– Вам его совсем не жалко?

Незнакомец цинично покачал головой, загадочно улыбнувшись.

– Видишь ли, Олли, я знал одного Фархада, мойщика окон. Не так давно он случайно выиграл в лотерею. Казалось бы, вернуть долг – это так просто. Но отчего-то он потратил всё не туда, куда нужно... Порой сделки губительны.

– Он Вам не заплатил?

Незнакомец быстро и без объяснений приблизился к ней, во время рукопожатия заглянув прямо в глаза. Увиденное в них почему-то напугало его. Он резко отстранился, словно не веря в то, что она – это она. Спустя секунду посмотрел на белую стену, на которой неожиданно появился циферблат аналогичного цвета, видимо, не замеченный нашей знакомой ранее. Он поманил её жестом идти за ним, тихо заметив,

– Какая точность. Всё вовремя.

Они миновали два больших бальных зала, застелен-

ных новеньким рыжим паркетом. Все помещения походили на большое беже, соединенное коридорами и переходами. Наконец, учтиво открыв перед ней дверь кабинета, он указал ей на чёрное кожаное кресло. Сам сел напротив на обычный деревянный стул. Это место отличалось от всего увиденного ранее. Оно было мрачным. Практически от пола до потолка кабинет был завален самыми разными книгами. В одном из углов комнаты стояла массивная деревянная стремянка, а на восточной стене виднелся неотёсанный, пыльный камин, щедро покрытый паутиной. Его практически полностью закрывали стопки карт Таро, кирпичиками сложенные друг на друга. Не так далеко виднелись коллекции рун, из нефрита, слоновой кости, дерева и еще бог знает из чего. С потолка свисали ловцы снов, спутанные с чётками, с какими-то мутными кристаллами, маятниками и индейскими тотемами. Как можно было ориентироваться в этом хаосе, непонятно. Словно предвидев реакцию своей новой чистой клиентки, он с улыбкой заметил,

– Трудолюбивого секретаря найти трудно. Сам я пока здесь недавно. И оттого еще не успел убратсья. Вчера только полы доделал в прихожей.

Не дожидаясь ответа, продолжил,

– Меня зовут Леонид. И я специалист. Какой, ты догадаешься позже... Обычно я помогаю людям вспомнить то, кем они являются на самом деле. А пока что... Почему ты пришла именно сейчас? Что произошло?

– У меня появилось ощущение, что я словно не отсюда. Ведения без контроля... Поэтому перестала общаться с кем бы то ни было.

– Учишься, работаешь?

– Взяла академ. Работала в цветочной лавке.

– Академический отпуск в университете... Так... А что значит не отсюда?

– Что я не часть этого мира. Что когда-то моя мама могла быть не моей мамой. И отец вовсе не мой отец. Словом, всё очень запутано.

Её взгляд метался по комнате, она не находила себе места.

– Вас, как специалиста, посоветовал мой друг Артур. Он сказал, что у Вас довольно нестандартные методы.

Собеседник покивал головой, продолжая записывать то, что говорила девушка.

– Понимаете... Всё, что я видела, имеет либо косвенные, либо реальные исторические подтверждения, прошлое и будущее. Например, вот сегодня видела какой-то военный афинский парад и историю Геракла. Всё было в огне.

– Не переживай, разберёмся. Сколько тебе лет?

– Почти 22.

– Как давно у тебя начались ведения?

– Уже полгода где-то.

– Можешь вспомнить момент, когда они появились?

– Мы были на раскопе в Крыму. Под руководством профессора Адамиди и Паненко Игоря Геннадьевича... Адами-

ди специально приехал на этот раскоп из Мексики. Игорь Геннадьевич настоял на том, чтобы меня взяли в экспедицию в качестве стажера, одного из стажеров. Несмотря на академ.

– Было ли что-то необычное, когда ты приехала?

– Меня словно потянуло вдаль. Я была в другой стороне от остальной группы. Вела раскопки отдельно, словно чувствовала, где зарыт артефакт... И нашла его. Точнее, фрагмент.

Леонид прищурил глаза, внимательно смотря на книжные полки, словно искал что-то.

– Расскажи, как он выглядел? Хотя бы примерно.

– Он был похож на обычный осколок статуи... По форме напоминал фрагмент ступни человека, вроде даже женской... На нём была надпись на греческом. «Цветок бога».

Его глаза округлились в удивлении. Лицо приобрело выражение довольного кота, который только что съел курицу и хвалил себя за это.

– Хорошо... Были ли проблемы в учебе? Почему ты взяла академ?

– Нет. Проблем никогда не было. Дело в другом...

– И в чем же?

Воцарилась тишина. Блокнот был отложен в сторону. Комната наполнилась тиканьем больших английских часов, грозно занимавших один из углов. Специалист ждал ответа, но его не последовало. Олимпия не могла выдавить из себя ни одного слова. Увидев боль в глазах своей новоиспечен-

ной пациентки, понурившей голову, Леонид решил высказать свою гипотезу. Тем временем в его глазах вспыхнули огоньки. Он странно смотрел на неё, читая, как раскрытую книгу.

– Знаешь, бывает, живёт человек, живёт... И вдруг по щелчку всё меняется. Какая-то боль жжёт изнутри. Такую боль испытывает мать, потерявшая своё дитя... Но ведь, если это трагическая случайность, ты бы хотела жить дальше, верно?

– Как Вы...

– А дело все в том, что кое-кто избил тебя в угоду своей матери и выкинул зимой на улицу.

В офисе затряслись книги на полках.

– Знаешь, возможно, все к лучшему. К тому же, когда мужчине за 30, а он живет с мамой... Это явное психологическое отклонение.

– А откуда Вы знаете, что ему за 30?

Леонид загадочно улыбнулся.

– Такие матери никогда не отпускают своих сыновей. Даже после смерти...

Оля напряглась после сказанного.

– На данный момент я могу сказать одно, прежде чем принять ту информацию, которая к тебе дозированно поступает о богах и героях, тебе нужно принять то, что с тобой случилось. А также понять, кем ты являешься теперь. Точнее, кем станешь в обозримом будущем.

Он снял пиджак и аккуратно повесил его на спинку стула. Взяв стремянку, ловко поднялся под самый потолок, достав стопки ветхих свитков, сдувая с них толстый слой пыли.

– Кстати, у одного древнего народа была такая практика, человек позволял своим внутренним демонам разорвать себя, чтобы заново обрести жизнь.

– Это шаманская практика... Обряд инициации.

– Откуда ты знаешь?

Она пожала плечами. Он что-то промурчал себе под нос, как бы невзначай громко, чтобы собеседница нарочно услышала то, что не должна была. После лукаво улыбнулся и ушёл от темы.

– Кстати, её использовали не только шаманы. Но и одно тайное братство... Как их там... То ли «Хранители печатей», то ли «Печать хранителей», не помню точно... Но я этого не говорил.

Слишком подозрительно. Он словно даёт ей подсказки, многого не договаривая, нарочно рассказывая о том, чем ведают далеко не все. Зачем ему это нужно? Какие интриги он затеял? Зря она ему доверилась... Он совсем не похож на психолога или медиума. Внезапно Леонид ухмыльнулся.

– И кто же Вас всех заставляет так думать, что я медиум или психолог...

О«кей, нужно просто сохранять спокойное выражение лица. У этого парня точно какой-то дар или способности. Значит, он сможет помочь. Главное – не бояться.

– Вы экстрасенс?

– О нет, я гораздо хуже.

На какой-то миг Оле показалось, что его ноги уже не касаются стремянки, он парит в воздухе, а чуть выше лопаток виднеются два тёмных размашистых пятна. Однако, стоило моргнуть, как всё испарилось. Как только её собеседник вернулся «с небес на землю», то начал перебирать найденные рукописи. По виду, им было около ста лет. Старательно изучая их, Леонид то и дело изумлённо поднимал брови, щёлкал пальцами. Но, дочитав до конца, был явно разочарован, оттого положил бумаги прямо на пол слева от себя.

– Вы готовы поставить какой-то диагноз, да?

Специалист неодобрительно развёл руками.

– Диагнозы ставят врачи и аудиторы. Я к их числу не отношусь... Видишь ли, сначала необходимо, чтобы ты ответила на пару моих вопросов, а после этого я расскажу, что и как... Итак. Какого числа ты нашла артефакт? И какого числа произошёл инцидент с твоим бывшим?

Она заметно нервничала, не знала, как сесть. То ли ногу на ногу положить, то ли перекрестить руки. Её ненужная суетливость умиляла собеседника.

– 19 декабря была та история с бывшим. А в Крым мы вылетели 6 июля следующего года... Вроде 13 я его откопала. Да, 13 июля... Медики приехали 13 вечером, и эта дата стояла в списке лекарств, которые мне прописали.

– То есть две даты, 19 декабря и 13 июля, так?

– Да, так.

Леонид быстро пересёк комнату и позвал за собой. Они снова оказались в просторном паркетном зале. На этот раз окна автоматически закрыли жалюзи, погружая всё во мрак. Достав пульт, он что-то бормотал, нажимал кнопки лишь по ему известному порядку, от чего на полу появилось сенсорное изображение на древнегреческом, похожее на купол с длинным реестром дат. Среди них ярким оранжевым световым маркером он что-то выделил. Да кто же он?!

– Нашёл! Всё верно... Идём обратно.

Жалюзи снова открылись, загадочный купол с датировками пропал.

– Садись поудобнее. Через пару минут кресло наклонится, и ты сможешь лечь, как душа пожелает.

– В календаре Вы выделили три даты.

– Третья еще не произошла. Следовательно, я не могу о ней говорить. Не люблю работать с многовариантным пространством. А пока просто слушай мой голос.

– Что Вы делаете?

– Окунёшься в кошмары с головой и всё поймёшь... Слушай голос. Когда будет десять, ты вернешься туда, когда всё началось и последуешь зову крови! Не сопротивляйся! Один, два, три, четыре...

Голос эхом раздавался в комнате. Тело быстро тяжелело. Глаза практически сразу закрылись в полудрёме. Про какие даты он говорил? Зачем ему все те штуковины в кабинете?

Вообще кто он и можно ли ему доверять? Он ведь ничего не рассказал о себе.

Вопросы громким гамом не давали сосредоточиться. Она уже не принадлежала себе, не ощущала рук и ног. На обычный гипноз это было не похоже. Её рассудок лихорадочно показывал то одно, то второе, то третье. Спустя некоторое время, когда Леонид досчитал до шести, паника испарилась, осознанность наполнила каждый вдох. Стало очевидным то, что волнение и страх возникали от незнания самой себя. Окружающая действительность мягко сжималась и растворялась, появлялось ощущение невесомости и освобождения.

– 10. Сейчас ты направишь центр своего сознания туда, где всё началось. В день, когда твоя жизнь резко изменилась. Подобно страннику следуй за всем, что увидишь. Тебе ничто не причинит вреда, ничто не напугает... Ты просто вспомнишь всё. И соберёшь своё истинное «Я» по крупицам. Ты можешь увидеть вехи, ключи, которые позже придётся собрать в единую картину. Постарайся запомнить всё, что увидишь.

...

Такой тишины Олимпия не слышала никогда. Снег бесшумно падал, словно в замедленной съёмке, и цеплялся за длинные ресницы, горячие от слез. Не хватало только удрученной музыки на заднем плане. В этой схватке с судьбой проиграла только её наивность и доверчивость. Предательство по самую рукоятку вошло в её спину ледяным

до боли лезвием. Она сидела на снегу и смотрела на пакеты с вещами, небрежно разбросанные то там, то тут. Была ночь. 19 декабря. Московский двор в такое время суток по обыкновению пуст. В 23 часа неподалеку от метро Новослободская улочки и дворики центра особенно уютны. Все пешеходы бегут домой, где, наверное, для них кто-то варит борщ и печет блины. Окна с теплым светом излучают домашнюю любовь, манят семейным единством и искренностью. Больше у неё такого не будет. Никогда. В этом дворе состоялась её помолвка. И здесь всему суждено закончиться. Все порвалось, сгорело дотла, и крики застыли в миллиметре от небрежно обледеневшего асфальта, назло эстетичной собянинской плитке. Розы в саду больше не распустятся на её глазах, о свадьбе весной в тюльпанном поле под звуки французского шансона думать не стоит.

Она тяжело дышала, попробовала встать со снега, но не получалось. Помощи ждать не от кого. Отец давно канул в море. Мама живет далеко в другом, чужом городе. А как же университет? Где она теперь будет жить? Откуда ездить на учёбу? Как же её исследования и диплом? В голос воя, словно побитая волчица на Луну, она сняла с пальца помолвочное кольцо и кинула его в сугроб...

Руки тряслись. Шея и правая сторона лица горела от боли, живот разрывало после пережитого. Она умылась в снегу и завизжала осипшим голосом. Шея практически не слушалась. По позвоночнику, словно барабанный марш, строго,

четко и уверенно разливались воспоминания от его ударов. Она потянулась к шубе, выкинутой на снег в паре метров от неё. Холод сковывал каждое движение. Был двадцатиградусный мороз. В бархатном спортивном костюме в такую погоду не выживет никто. Последовало падение. Ей начало казаться, что шуба в виде клубка сросшихся змей расплзается по снегу. Вконец разозлившись на собственное бессилие, она выла и ползла к шубе. Снова проживая каждый миг того вечера, на крыше дома она увидела Леонида. Склонившись к самому краю, он наблюдал за ней, широко раскинув крылья. По-прежнему было неизвестно, кто он, и что он там делал.

Неподалеку раздался звук резкого торможения автомобиля, прервавший её размышления. Кто-то выкрикнул её имя, но она плохо понимала, что происходило. Только когда незнакомец приблизился вплотную, поставил её на ноги и заглянул прямо в глаза, она поняла, что Артур пришёл на помощь. Кудрявые темные локоны были зализаны назад в лучших традициях «Призрака оперы». Чёрные большие глаза на фоне светлой кожи всегда придавали его внешности плутовской вид виконта.

– Оля! Я с тобой, поняла? Я здесь. Ч-ч-ч-ш-ш... Не плачь... Я с тобой.

– Что ты здесь делаешь?

В бездонных глазах читалась давно знакомая и свойственная только ему собачья преданность. Друг детства обладал

уникальным талантом, оказываться рядом с ней в чертовски трудные времена и исчезать без лишних предисловий и объяснений.

– Я знаю, что стряслось... Он и его мама позвонили тебе. Сказали, что помолвка отменяется, что ты им больше не нужна. Что ты сошла с ума. Меня тошнит от этого! Хотя, нет!... Все не так, – Артур аккуратно убрал прядь её волос со лба и погладил по щеке, – опасаясь за свою репутацию заядлого кутилы, я могу ответить, что неподалёку есть один ночной клуб... Я просто мимо проходил.

Она постаралась изобразить улыбку разбитыми до крови губами.

– Что ж, это очень многое объясняет.

Он в ужасе начал озираться по сторонам, осознавая, что чемодан и все пакеты с вещами принадлежат его подруге. Артур накинул на нее своё пальто. Заметив слегка опухшую шею, он, не веря во все происходящее, едва коснулся её и Олли зажмурилась. Он стиснул челюсть. Бледное лицо багровело от закипавшей злости.

– Сейчас я ему морду набью и потом ты мне всё расскажешь. Хотя не так, сначала мы соберем твои вещи, я посажу тебя греться в машину, потом набью ему морду, а после мы засвидетельствуем все твои травмы.

– Не надо... Лучше отвези меня к врачу.

– С женщинами так не поступают. Он сядет! И надолго!

– У меня с шеей что-то не так.

Глубоко вздохнув, она первый раз заговорила с кем-то об этом за весь вечер.

– Он не был пьян... Мы начали спорить. Он сказал, что его мама против наших отношений... Что я ему не ровня. И он с нею согласился. Я начала собирать вещи. Он обвинил меня во всем... Я возразила. И... Пошло-поехало.

Артур обнял её, встав на колени, собирая разбросанные вещи.

– Дура! Что же ты мне не позвонила... Что же ты... Держись, слышишь? А если бы я был в другой стране, если бы с телефоном что? Что бы ты делала? Мама в другом городе. У тебя больше никого нет! Почему ты не звонила?

Олимпия захлебывалась в рыданиях. Её резанула мысль о Зиноне, которого она увидела в университете. Отчего так знакомо его имя? Почему она вспомнила о нём, погрузившись в собственное прошлое? Почему именно сейчас?

– Поехали ко мне. Обещаю не приставать, холить и лелеять, вовремя кормить, а еще постараюсь помочь тебе это пережить. А еще забыть про всех девушек на свете.

– Морозов... Для меня и такие жертвы, даже не знаю... Не надо, я сама.

– Сама! Всё сама! Везде сама! Жанна Д'Арк, блин! Кто впереди планеты всей? Конечно, наша Оля!

После того, как Артур немного поворчал, продолжил собирать разбросанные по снегу пакеты с вещами.

– Упаковал бы их что ли нормально...

Олли зарыдала еще громче.

– Ладно, хочешь, я о чем-то другом поговорю? Вот, точно! Скоро выставка, ты на ней будешь примадонной! До неё остался всего год с небольшим...

Приятель резко прервался.

– Вот подонок! Выгнать девушку на мороз! Зимой! Ночью! Да еще и перед Новым годом! После того, как женой её называл, скотина...

Взвалив на спину все пакеты, Артур двинулся в сторону машины, ругаясь самыми изысканными матерными комбинациями.

– Это я виновата... Это моя вина.

Он яростно захлопнул багажник.

– Дура! Тебе собрали чемоданы, тебя выставили за дверь! Тебя избили, судя по всему! На тебя кричали, тебя обманывали, шептались за спиной! Адекватные люди, коими они себя считают, так не поступают! Никогда!

Вскоре Артур отнес её на руках в теплую машину и сел рядом с ней, протянув флягу.

– Твоё любимое виски?

– Обижаешь, лимонад «Буратино». Только не спрашивай, что лимонад делает во фляге.

Олли усмехнулась.

– Врешь, наверное.

Артур дотронулся до ее лба тыльной стороной руки, случайно заехав ей в бровь.

– Ай! Блин! Морозов, ты решил меня окончательно добить?

Она истерично засмеялась.

– Ну вот, уже неплохо! Пациент приходит в себя. Скорее жив, чем мертв!

– Можно уехать куда угодно, но такое девятнадцатое декабря уже не забудешь...

– Ну как же не забудешь! Забудешь, если рядом сказка будет, а не упырь, который предложил остаться друзьями после того, как по лицу тебе съездил.

Новый приступ. Но душевная рана болела куда сильнее.

– Отвези к врачу. Пожалуйста!

Дальше всё было, как в тумане. На протяжении всей дороги Артур говорил что-то ободряющее, значительно превышая скорость. Она периодически отключалась. Муки, которые разъедали её изнутри, затмевали все. Но вскоре кошмар закончился на операционном столе хирурга, когда она заорала во время вправления шеи. Когда закончился наркоз, ей показалось, что она умерла. Губы высохли и потрескались, лицо осунулось. Ей часто снилась женщина, чьи глаза она никак не могла рассмотреть. Внешне она была очень похожа на неё. Но чем дольше Олимпия наблюдала за ней, тем чаще ей казалось, что её кожа покрывается чешуей, и по телу к голове дамы ползут еле заметные змеи.

Дни слились в единую линию боли. Она ни с кем не разговаривала, даже с матерью, прилетевшей в Москву несколь-

ко дней спустя. Олли не выходила из палаты, очень сильно похудела. Если бы кто-то из её прежних друзей и знакомых увидел её, то ни за что не признал в ней бывшую влюблённую хохотушку. После выписки она стала часто бывать в храме на Третьяковской, неподалёку от станции устроившись на работу в цветочную лавку. Только там ей было особенно уютно и спокойно. Её мама возобновила все свои старые связи, чтобы найти для неё жильё в Москве. Но даже эта ситуация не заставила мать и дочь смеяться, верить и общаться, как раньше. Как только жильё нашлось, мама снова уехала к новой семье. На какой-то момент, когда Оля осталась совсем одна в новой комнатухе в Балашихе, ей казалось, что единственный близкий человек, кто был ей по-настоящему верен – призрак отца. Мысль об этом вовсе не пугала, а наоборот воодушевляла. Бывало, что в дождливый день, когда город пронизывал напивавшийся прохладой ветер, пахнувший морем, она шла по улице без наушников и зонта и думала о нём. Он всегда любил так делать, прогуливаясь по Тверской, когда проходил модные бутики со статными продавщицами, учтивыми и уставшими. На протяжении долгих лет девчонка несла в себе крохотное, хрупкое воспоминание, пыталась его сохранить, читая книги, в которых голос персонажей звучал голосом отца... Так и хотелось спросить, помнишь, как ты читал мне перед сном, когда я была ребенком? Те чудесные сказки, привезенные из очередного плавания, рассказавшие ей легенды о сиренах и пиратах,

о бесследно исчезнувшей Атлантиде, о таинственной мифологической Греции, где еще остались следы былых богов... Как же ей чертовски хотелось забыть всё это, но разве она могла? Стереть все те воспоминания было, увы, невозможно. Ровно, как и осознать, что его корабль бесследно канул в морскую пучину. Жизнь разделилась на «до» и «после». Оле тогда было двенадцать. С тех пор отец ей часто снился. По-прежнему во сне читал таинственные сказания не то древних инков, не то ацтеков, раздобытые у хитрого восточного торговца на другом конце света. А она, уже повзрослевшая, сидела напротив и слушала с открытым ртом эти удивительные истории. И как будто не было реальной жизни, как будто существовал лишь этот сон – повторяющийся каждую ночь. Затаив дыхание, она ждала очередной встречи с ним, чтобы рассказать, что с ней происходило, пока она бодрствовала. Если бы только он знал, как же ей не хотелось просыпаться по утрам и осознавать, что сказка была только во сне, а наяву вот она реальность, пустая, однообразная и серая.

У её матери тогда началась новая жизнь. Спустя много лет она наконец решилась снова выйти замуж. С тех пор общение свелось только к обязательным встречам на днях рождениях, потому что, лишь посмотрев друг другу в глаза, они понимали, кого с ними нет. И чьё тело так и не было похоронено... Каждый год они пускали венки на воду и выплакивали все слёзы на пирсе, от которого цветы уплывали в неизвестность. Только там мать и дочь могли сказать

все, что накопилось на дне памяти за год, вспомнить об отце и муже. Обняться и стоять так минут пятнадцать, ощущая биение сердец друг друга... А после снова наступала ночь, и Олимпия снова встречала отца.

И каждый раз он смеялся, как бы невзначай шутил. У него по-прежнему были добрые карие глаза, в полумраке похожие на поблёскивающие чёрные агаты. Всё те же лохматые усы. Как всегда, он укутывал её в тот мягкий, пахнувший уютом и морским воздухом, мамой связанный свитер, который он называл «талисманом». Именно в нём обычно переступал порог дома после долгого плавания, вдыхая аромат любимых вареников с картошкой и только что испечённых сырников.

Оля быстро повзрослела. Слишком быстро... В шестом классе прочла почти всю русскую классику. Это было захватывающе и невыносимо одновременно, потому что даже спустя годы Андрей Болконский, Чацкий, Мастер, Лермонтовский Демон любили, прощали, ненавидели, желали, стремились в будущее по нитям своих литературных судеб – как её отец где-то там, далеко. Из-за него она, словно наивный ребёнок, верила, что дождь приносил счастье и безразличие к проблемам, даровал земле новые силы, а с людей смывал отчаяние и боль разлуки. А запах чая с корицей и жасмином напоминал духи, которые он привёз маме в подарок на восьмое марта. Их капля из-за неуклюжести ребёнка оказалась на ковре в зале. Когда папа уходил в плавание, а мама до-

поздна задерживалась на работе, Олли укутывалась в плед, расстилала матрас и спала именно у того места, чтобы чувствовать этот удивительный аромат и думать о родителях.

Отец как-то рассказывал о лабиринте реальности. О том, что несколько миров могли существовать параллельно, не пересекаясь друг с другом. Даже спустя годы она верила в это! Гораздо легче было поверить в то, что отец не умер, а где-то наблюдал за дочерью и оберегал, плавал на корабле, просто в другой части реальности. Можно сказать – в ином вселенском регионе. Наверное, по утрам завтракал с Пушкиным и Пастернаком, рассуждая о сути мироздания и будущем российской литературы... Её отец не любил зарубежную классику, всегда говорил, что в русской гораздо больше души и глубинного смысла.

С момента его исчезновения Олимпия не могла ездить на море. Он, конечно, очень любил эту стихию, но девушка никак не могла простить ей то, что она забрала его навсегда. И каждый раз, когда на душе скребли кошки, она избегала просмотра красивых пейзажей с озерами или реками, покупала себе новые книги, варила кофе и слушала дома музыку. Как-то раз он привёз из Америки диск Рэя Чарльза. С тех пор в душе Оли всегда играл джаз. Они ведь так любили пить кофе вместе каждую субботу в тайне от мамы, когда она работала до пяти вечера.

Отец редко бывал дома... Полгода в плавании, всего два месяца спокойной жизни, а потом – снова в море. Но несмот-

ря на это, мореход много ей подарил. Каждую частицу мира, где он бывал... Она жалела об одном, редко говорила ему о том, как сильно его любила. И как было больно, когда он канул в вечность.

Ведение пережитого болезненного апогея плавно растворялось в шёпоте влекущих легенд. Её сердце подсказывало, что ведения как-то связаны друг с другом, что они являются неразрывными звеньями цепи грядущих событий. Оля никак не могла забыть ранее увиденного Зинова, его взгляд и решение отца связать узами брака юную деву с ним. Словно два события повторяли друг друга в разных исторических эпохах. Но она не понимала, что их делает такими похожими. Было ясно одно, разгадка близка. Где-то вдали, куда её влекло, играла греческая музыка. И она пошла на её зов, заметив рыжеволосую деву с луком, казавшуюся знакомой.

Поговаривали, что эта дева никогда не промахивалась, все боги Олимпа считали её умение стрелять из лука и попадать четко в цель великим мастерством. Именно её она видела в видении о Геракле. Многие с восхищением вспоминали, что будущая гроза лесов ещё в колыбели смастерила свой первый лук. В отличие от утонченного брата Аполлона, Артемида была резка, тверда в решениях, настоящий сорванец в женской шкуре. О её красоте ходили легенды, равно как и о той храбрости, с которой она охотилась на чудищ, никогда не уступая в хитрости и ловкости самому Гермесу.

Её томный спокойный взгляд разбивал сердца юношей,

а огненно-рыжая копна волос вызывала зависть у земных красавиц. Все на протяжении сотен лет хотели разгадать тайну её вечной юности и чарующей красоты, но попытки узнать тайну оказались тщетными.

Однако решительность, дерзость, непреклонность не всегда являлись основными качествами характера Артемиды. Она была другой во времена, что плавной рекой текли в пространстве истории. Тогда родился Орион, сын Посейдона и нимфы Эвриалы. Он стал великим охотником, ему не было равных.

И вот как-то однажды Орион полюбил дочь царя Энопиона. Владыка делал все, чтобы брак его дочери и хитрого охотника не состоялся. Он обманул Ориона, ослепил его в наказание за то, что он посмел прикоснуться к Меропе.

Оскорбленный, немощный, брошенный охотник поклялся отомстить. Бог-кузнец Гефест, узнав о том, как поступили с охотником, попросил своего родственника карлика Кедалиона с Лемноса помочь Ориону. Погруженный в царство темноты и одиночества ослепленный охотник не терял надежды благодаря обретенному другу, который помог ему добраться к месту восхода Гелиоса и вернуть способность видеть. С древних времен старцы рассказывали о том месте, где яркое и всесильное Солнце обращает тьму в свет, слепоту в зрение. Там рождается истина, и погибает мрак ночи.

В лесах Биосии на Крите Орион задержался на долгий срок. Там он охотился и вынашивал план мести, необрати-

мой и беспощадной. Ни один зверь не ускользал от его взгляда. И вот как-то однажды перед ним предстал лев. Налились его глаза кровью, оцетинилась грива, хищник свирепо зарычал, заклокотали внутри него злость и жажда плоти и ринулся он на Ориона, но тот одним ударом пронзил его копьём и откинул в сторону. Это только разозлило льва, он снова повалил охотника на землю, желая впиться ему в горло. Зверю таки удалось оставить на груди Ориона несколько царапин, после чего зверь получил удар клинком в грудь. Герой оттолкнул тяжелое мёртвое тело от себя, почувствовав, что за ним кто-то наблюдает.

– Ты хоть знаешь, как мало львов осталось на Крите?

Он не сразу рассмотрел, кто с ним разговаривал, а позже не поверил своим глазам. То была богиня с огненными волосами, украшенными тончайшими золотыми нитями. В руках она держала лук, не сводила с Ориона взгляда. Кожа будто покрыта перламутром, настолько нежна и красива. А лукавые очи, подведённые на афинский манер, словно крупные янтари смотрели на него, источая свет и храбрость.

– Прошу прощения, богиня! Я не знал, что лев принадлежит тебе.

– Давно я не видела такого владения копьем. Как тебя звать? Куда путь держишь?

– Меня зовут Орион.

Богиня прищурилась.

– Слышала о тебе. Говорят, ты один из лучших охотников.

– Я держу путь на Хиос. Царь Энопион разлучил меня с возлюбленной.

– Благородно... Но не дальновидно. Возможно, ты хорошо охотишься, но, чтобы довести дело до конца, тебе многому нужно научиться. Завтра на рассвете приходи сюда. Я научу тебя сражаться так, что на твоём теле не будет ни одной царапины после схватки. Считай, что лев тебя пожалел.

И он вернулся в назначенное время в назначенное место. Артемида поведала ему все тайны сражения на мечах, стрельбы из лука. Несколько дней подряд они соревновались в меткости и храбрости, пытаясь опередить друг друга на охоте. Не видывал Крит ничего подобного раньше и после этого!

Богиня продолжала учить Ориона военной хитрости, которую когда-то ей поведал сам Арес. Охотник любознательно схватывал все налету. Она не щадила его, насмехалась над ним, заставляла снова и снова отрабатывать удары, тем самым пробуждая в нём истинного воина, способного встать с колен после унижительного падения. Обучение было закончено, когда Орион оставил на шее Артемиды след от своего меча и поборол больше зверей, чем она.

– Вот теперь ты действительно лучший, Орион. Настало время тебя покинуть.

Он швырнул меч на землю, схватил её за руку.

– Не уходи. Прошу.

– Если не выйдешь с завтрашним рассветом, все пойдёт

прахом. Враг подготовится, и ты не сможешь нанести свой удар.

– Мне этого не нужно.

– Ты уж прости, Орион, но богиня тебе не по плечу.

– А что же ты вчера осталась?

Она потупила глаза и растворилась в воздухе, он не успел её поцеловать. Столь сильное желание отомстить сгорело в нем дотла. Ему была нужна только Артемида. Он решил ждать её здесь, неподалеку от обрыва, где совсем недавно она обучала его тонкостям сражения. День сменяла ночь. После третьих лунных суток богиня предстала перед ним.

– Ты не ушёл.

– Ты не оставила мне выбора.

– О, нет. Выбор был! Ты был научен всему, мог пойти и уничтожить Энопиона, сжечь его дворец дотла, перерезать всю охрану, связать свою жизнь с его дочерью. Но ты этого не сделал, потому что мести в тебе больше нет!

– Тогда скажи, что же это? Что является причиной того, почему ты здесь, почему я отказался от бойни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.